

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

В. В. Нагайцев, А. Н. Шрайбер

Социальные конфликты и напряжённость в обществе

Учебное пособие

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УДК 316.348
ББК 60.524.228

С 16

Социальные конфликты и напряженность в обществе: учебное пособие / В.В. Нагайцев, А.Н. Шрайбер. –
С 16 Барнаул: изд-во Алт. ун.-та, 2023. – 94 с.

ISBN 978-5-7904-2784-8.

Учебное пособие предназначено для преподавателей, студентов, практиков социальной сферы, а также для всех интересующихся проблематикой конфликтности социальной напряженности в обществе.

ISBN 978-5-7904-2784-8

УДК 316.348
ББК 60.524.228

© В.В. Нагайцев, А.Н. Шрайбер, 2023
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2023

Введение

Напряженная внешнеполитическая обстановка и сложное социально-экономическое положение в стране вызывает повышение конфликтности и социальной напряженности в большинстве территорий Российской Федерации. Для стабильности социума совершенно необходимо своевременное прогнозирование и предотвращение роста уровня таких, в целом негативных, социальных явлений как напряженность и конфликтность в обществе, что, в свою очередь, требует кооперации деятельности в этом направлении ученых, представителей гражданского общества, органов власти и бизнеса. Актуальность учебного пособия определяется потребностью комплексного анализа социальных конфликтов и напряженности в обществе.

Напряженность и конфликтность в обществе как особые социальные явления требуют сегодня тщательного анализа и управления. При этом изменяются формы проявления напряженности и конфликтности – появляются их открытые и острые разновидности, приводящие к дестабилизации всего общества. Сложившаяся на сегодняшний день социально-экономическая ситуация в нашем обществе достаточно сложная, противоречивая и имеет множество аспектов для социологического анализа. Она требует незамедлительного принятия целого комплекса мер социального характера, прежде всего, в системе социальной защиты и обеспечения социальной безопасности населения, что может быть достигнуто только путем выявления факторов напряженности и конфликтности в обществе, и устранения этих факторов.

Несмотря на достаточно большой интерес исследователей к феноменам конфликтности и социальной напряженности, до настоящего времени не существует единой концепции их анализа, ни системно описывающей данные социальные феномены социологической теории. Исследователи пытаются выявить фак-

торы, которые в наибольшей степени оказывают влияние на уровень конфликтности в обществе (увеличение материального неравенства, неравенства в доступе к образованию, здравоохранению, рост безработицы, снижение доходов населения). В этой связи, разработка теоретико-методологического аппарата, связанного с исследованием конфликтности и напряженности, в частности, создание единой теоретико-эмпирической модели, объясняющей возникновение, развитие и снижение конфликтности, приобретает фундаментальное научное значение. Данное учебное пособие предназначено для студентов направления социология и тех, кто заинтересован в повышении своей компетенции в области социальных конфликтов.

Раздел 1. Социальные конфликты и напряженность как особые социальные феномены современного общества

Социальные конфликты и напряженность как самостоятельный предмет исследования возник еще в XIX веке, но его интенсивная разработка началась на Западе только с середины XX века. В частности, Л. Фестингер, К. Левин, Р. Липин проводили изучение напряженности с позиции теории поля. В отечественных научных публикациях термин социальной напряженности стал использоваться только в конце 1990-х годов. В последующие годы термин «социальная напряженность» настолько точно отражал состояние общественной жизни и массового сознания, что очень прочно вошел в научный лексикон отечественных социальных исследователей. В это же время были предприняты первые попытки создания социологических методик для измерения уровня социальной напряженности и конфликтности.

Термины «социальная напряженность» и «конфликтность» входят в категориальный аппарат многих наук – социологии, конфликтологии, права, психологии, политологии, социальной философии, истории и фактически являются междисциплинарными понятиями. Каждая из названных наук вкладывает в эти термины свой смысл. В отечественные социальные науки термин «напряженность» пришел из естествознания и, прежде всего, из физики. Несмотря на кажущуюся простоту, есть основание полагать, что речь идет о мало изученных до сих пор в науке социальных феноменах, которые имеют свои собственные механизмы возникновения, развития, объективные и субъективные факторы, общие предпосылки и определенные причины, действующие по разному в каждом конкретном случае.

Содержание социальной напряженности и конфликтности осмысливается в социологической, психологической и конфлик-

тологической научной литературе, как правило, в связи с такими явлениями, как социальная дезинтеграция, отсутствие солидарности у личностей и групп, девиация, утрата стабильности в обществе, аномия, депривация, фрустрация, классовая борьба, межнациональные конфликты и другое [28, с. 22]. Далее нам необходимо дать определения и краткую характеристику ключевым понятиям нашего исследования.

1.1. Проблема социального конфликта: междисциплинарный подход

Интенсивное развитие социальных процессов XIX вв. дало мощный импульс для размышлений и теоретических выводов, классовая борьба рассматривается как одна из форм конфликта. Все это ведет к тому, что конфликт становится одним из объектов исследования науки социологии, которой и принадлежит пальма первенства в специальном изучении проблемы конфликта.

Исходным пунктом структурно-функциональной теории является принцип системного строения общества. Т. Парсонс рассматривает общество как целостную систему, состоящую из множества функционально взаимосвязанных элементов. По его мнению, социальная система представляет собой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных действий, обусловленных потребностями личности. Задача социальной науки – определить совокупность необходимых условий для нормального функционирования социальных систем.

С точки зрения Парсонса, общественное равновесие достигается интерпретацией мотивов действий, гармонизацией ролей через общенормативные культурные стандарты сохраняющие единство социальной системы и функцию социальной структуры. Интеграция – необходимое условие достижения общественного согласия. Интеграция в обществе базируется на системе норм и ценностных ориентации, определяющих мотивацию социальной деятельности людей. Чтобы нормально функциониро-

вать, социальная система должна обладать поддержкой других систем и иметь хотя бы минимальный контроль за потенциально отклоняющимся поведением своих элементов.

Устойчивость общественной системы обеспечивается совокупностью социальных функций, осуществляющих саморегулирование взаимодействий внутри системы. Решающая роль в обеспечении устойчивости и стабильности социальной системы принадлежит социальным институтам и системе стандартизованных ролей индивидов. Социальные институты призваны не допустить девиаций элементов системы, конфликтов, обеспечить порядок и стабильность путем определенных ограничений, запретов, контроля в общественной жизни. Социальный порядок указывает на взаимосвязь и взаимозависимость поведения индивидов и выражает стремление социальной системы к самосохранению, к равновесию элементов в условиях динамического взаимодействия. Следовательно, с точки зрения Т. Парсонса, конфликт нарушает социальный порядок, нормальное функционирование общества. Конфликт свидетельствует о дезорганизации и кризисе социальной системы. Естественным состоянием общества являются гармоничные и бесконфликтные отношения между элементами социальной системы.

В 1950–е гг. появились первые современные концепции конфликтов. Исходным пунктом в этих исследованиях выступает принцип постоянных социальных изменений. Акцент на изучение функционального равновесия обусловлен, в первую очередь, влиянием позитивных ориентации в объяснении общественных явлений как наиболее значимой черты социальных систем. Отказ от выявления причинно-следственных зависимостей, замена понятия причины понятием функции объявлялись панацеей от теоретических спекуляций, чуждых, якобы, объективному позитивному знанию. Основная методологическая установка состояла в том, чтобы подчеркнуть значение единства сторон, целостности социально-политической системы. Мышление в этих категориях не давало возможности перейти к анализу социальных процессов, к конкретному анализу социальных групп.

Становление нового подхода к анализу общества и социальных процессов связано с появлением в 1956 г. работы американского социолога Льюиса Козера «Функции социального конфликта». Л. Козер доказывает, что конфликты есть продукт внутренних изменений в обществе, результат социальных изменений, взаимодействия различных элементов социальной системы. Если Т. Парсонс акцентирует внимание на единстве ценностных ориентации и мотиваций членов общества, то Л. Козер отмечает доминирование различий интересов индивидов, социальных групп, общностей. Парсонс исходит из преобладания сотрудничества и солидарности в обществе, а Козер – социальной напряженности, порождаемой противоречиями и столкновениями интересов людей. Идее «социального равновесия» Л. Козер противопоставляет идею динамических социальных изменений, изобилующих конфликтами. Анализу положительных функций конфликтов посвящены его важнейшие работы: «Функции социального конфликта» (1956) и «Продолжение исследования социального конфликта» (1967). В этих работах Л. Козер показал, что конфликт не только признак разрушительных тенденций в социальной организации, но и фактор обеспечения стабильности общественного порядка на основе динамического равновесия.

Р. Дарендорф предложил иной взгляд на мир общественных отношений: конфликты являются всепронизывающими, вездесущими компонентами общественной жизни. Таким образом, если Л. Козер рассматривал разрешение конфликтов как фактор интеграции и стабилизации социальных систем, то Р. Дарендорф предлагает окончательно отказаться от позитивной методологии в форме структурно-функционального анализа. Р. Дарендорф предложил рассматривать социальные системы в состоянии непрерывных изменений. Эти изменения происходят постоянно, если только какая-либо сила их не задерживает. Социальные изменения приобретают различные формы, в том числе формы конфликта. Л. Козер как бы достроил равновесную теорию общества, рассматривая социальные функции конфликтов как способ

упрочения интеграции и социального единства. Р. Дарендорф считает конфликты постоянным спутником изменений социальных систем. По его мнению, не наличие, а отсутствие конфликтов является чем-то удивительным и ненормальным.

Конфликтность в обществе – особое состояние социальной системы, при котором взаимодействие между различными социальными субъектами, характеризуются явными или скрытыми формами противостояния, конфронтации и противодействия, вызванных наличием противоречий в интересах этих субъектов. На конфликтность в обществе можно оказывать влияние, ею можно управлять, ее можно направлять в конструктивные или формы проявления.

В современном обществе различные социальные субъекты все интенсивнее взаимодействуют друг с другом практически во всех его сферах (представители больших социальных групп населения, партнеры по бизнесу, конкуренты, потребители и поставщики товаров и услуг, коллеги по работе, друзья, родственники, соседи и т.д.). Конфликты являются одним из неотъемлемых форм этого социального взаимодействия. Современными исследователями конфликт понимается как вполне закономерное и неизбежное явление в любых социальных системах, источник их поступательного развития и нормального функционирования [74, с. 93].

Конфликты позволяют решить возникшие противоречия, упрочить взаимопонимание и сотрудничество социальных субъектов; повысить сплочённость групп; уменьшить напряженность в отношениях. Однако, как показывает практика, в некоторых случаях социальные конфликты являются причиной того, что оппоненты концентрируют все свое внимание друг на друге, начинают очень активно и деструктивно взаимодействовать, процесс коммуникации между ними затрудняется, приобретая форму войны, возникает угроза самому существованию данных социальных субъектов. В связи с этим особенно актуальным на сегодняшний день является изучение основных стратегий поведения субъектов в возникающих конфликтных противодействиях. Коль

скоро конфликт – неустрашимый тип социального взаимодействия, и противоречия в целях и интересах социальных субъектов неискоренимы, основное направление работы с социальным конфликтом – это целенаправленное управление им. Сама постановка вопроса об управлении конфликтом принципиальна для нас в том смысле, что она вытекает из понимания конфликта как здорового общественного явления. Если бы мы относились к конфликту только как к негативному явлению, то основная работа с ним сводилась бы к его скорейшему подавлению и устранению. Признание же «нормальности» социального конфликта расширяет и углубляет проблему работы с ним (прогнозирование, профилактика, предотвращение, предупреждение, урегулирование и разрешение конфликта). Перед специалистами не стоит задача полной ликвидации ни конфликтов, ни конфликтования людей, ни самой конфликтности в обществе. Необходимо максимально возможно развивать конструктивные и минимизировать деструктивные последствия конфликтности.

Все социальные конфликты, возникающие по различным причинам и поводам, в социуме теснейшим образом сопряжены, взаимосвязаны и переплетены в единый «клубок». Иначе говоря, нет чисто политических, чисто этнических, чисто экономических, чисто трудовых и т.д. конфликтов. Есть некая «конфликтность социальных субъектов» – особый феномен социальной жизни социума, интегрирующий все конфликты членов социума. Конфликтность социума – его естественное состояние, условие его функционирования и развития. Понятие «конфликтность в обществе» пока не получило статуса общепризнанной научной категории в науке. Большинство исследователей, либо, вообще избегает данного понятия, либо сводит его смысл к сумме всех конфликтов, имевших место в социуме за определенный период времени. При этом главное внимание уделяется либо межличностным, либо политическим, либо этническим, либо бытовым, либо трудовым конфликтам, осмысливаемым в качестве автономных друг от друга социальных процессов. «Конфликтность

в социуме» – это целая система противонаправленных действий людей и их социальных групп, которой присущи качества, принципиально отличные от свойств автономно развивающихся конфликтов. В силу этого важно изучать не только и не столько конкретные социальные конфликты, их причины, их разновидности, сколько их взаимодействие и взаимозависимость. Конфликтная система социума трансформируется в одну общую систему взаимозависимых друг от друга процессов. Конечно, если мы хотим изучить общую конфликтность в конкретном локальном социуме, то нам не удастся избежать и анализа происходящих в нем отдельных социальных конфликтов.

В условиях современного общества разнообразные конфликты стимулируют и взаимно усиливают друг друга. В силу этого недостаточно изучать только отдельные конфликты, оставляя без внимания факт существования самостоятельного социального феномена – конфликтности в обществе, которая образуется благодаря пересечения и наложения разнотипных конфликтов, образуя сложную и подвижную структуру конфликтного взаимодействия социальных субъектов. Понятия «конфликтность» и «социальная напряженность» в определенном смысле близки. И конфликтность и социальная напряженность формируются в конкретной ситуации, связанной с существованием противоречий, которые затрагивают интересы и ценности людей. Конфликтность рассматривается нами как следствие социальной напряженности, высшая форма ее проявления.

В большинстве научных работ по данной проблематике до сих пор термины социальной напряженности и конфликтности в обществе используется без четкой проработки, в максимально широком, публицистическом смысле. Кроме этого, имеет место отождествление понятий социальной напряженности с конфликтностью в обществе, либо конфликтность рассматривается как одна из форм социальной напряженности. Мы считаем, что не следует отождествлять социальную напряженность с конфликтностью. Динамика напряженности может представлять со-

бой такое развитие противоречий в интересах социальных субъектов общества, при котором возможна бесконфликтная форма их взаимодействия. Напряженность свидетельствует лишь о наличии возможности развертывания конфликтности, является ее обязательной предпосылкой, сопровождает процесс ее развития, но отнюдь не всегда к ней приводит. Однако, в обычной ситуации, происходит переход напряженности во взаимоотношения различных социальных субъектов в форму их открытой конфликтности. При таком ракурсе рассмотрения проблемы соотношения понятий напряженности и конфликтности в обществе перед исследователями стоит вопрос: на какой стадии развития, при каких условиях и в каких формах, продолжающая нарастать напряженность превращается в открытую конфликтность социальных субъектов? Конфликтность рассматривается нами как стадия социальной напряженности.

1.2. Понятие социальной напряженности

Социальная напряженность – особое состояние общественной жизни, при котором возникают и быстро развиваются социально значимые противоречия (объективного и субъективного характера) в отношениях, интересах, действиях индивидов, социальных групп, социальных институтов и общества в целом. Она присуща всем социальным системам, имеет свое прошлое, настоящее и будущее. Социальная напряженность не только является сигналом о кризисном состоянии социальной системы общества, о нарушении нормального функционирования ее структур и элементов, но и отражает определенное психологическое состояние индивидов и социальных групп, от которых в существенной мере зависит их поведение. Данный феномен характеризуется усилением противоположных тенденций, потребностей и целей социальных общностей и индивидов, сопровождается ростом недовольства, негативными настроениями, разрывом прежних

социальных связей. Социальная напряженность является предшественником конфликтности, когда кризисные явления в обществе еще не наступили и не оформились все противоборствующие стороны. Социальная напряженность может проявляться как общее недовольство населения сложившейся ситуацией, в форме негативных настроений, разнообразных акций протеста, конфликтных намерений и т.п. В подавляющем большинстве существующих работ по проблематике социальной напряженности, она рассматривается авторами только как достаточно деструктивный социальный феномен, вносящий негативные структурно-функциональные изменения в жизнедеятельность общества [25; 31; 34 и др.]. В научной литературе также нет устоявшегося определения социальной напряженности. Практически все определения понятия «социальная напряженность» характеризуют ее как состояние общественной жизни, при котором в обществе обостряются внутренние социальные противоречия. Чаще всего это происходит в периоды экономических и политических кризисов.

Обратим внимание на основные методологические подходы к определению феноменов социальной напряженности и конфликтности в обществе. Первый, социально-философский подход. По мнению А.А. Сомкина, социальная напряженность бывает альтернативной (т.е. разнонаправленной) и синергетической (однонаправленной, объединяющей совместные действия) [159]. Кроме того, она может быть разной степени интенсивности. Ссылаясь на Н.В. Губину, определяющую социальную напряженность как «активность или пассивность индивидов при вступлении в социальные связи и взаимосвязи, их способность или неспособность действовать и взаимодействовать в рамках определенных социальных групп и сообществ» [52], автор предлагает свое определение данного феномена. А.А. Сомкин предлагает определить социальную напряженность как процесс чрезмерного сосредоточения негативной социальной энергии в определенной сфере общественной жизни, проявляющейся в действиях разных социальных сил (личностей, социальных групп, партий,

государств и т.п.) и обусловленный выбором их приоритетных ценностных ориентиров на определенном историческом этапе, в конкретных социальных условиях. Данный подход позволяет совместить социальную философию и другие науки. Кроме того, автор отмечает, что такой подход «позволяет избежать некоторой предвзятости и односторонности в интерпретации данного явления как исключительно негативного и только в качестве стадии социального конфликта (конфликтологическая парадигма). Ведь напряженность в обществе может быть не только высокой, но и низкой, когда разные социальные субъекты не стремятся к активным действиям, а наоборот, атомизируются, отталкиваются друг от друга, остаются пассивными, недеятельными, инертными к любому воздействию на них. Кроме того, напряженность может быть не только отрицательной (разрушительной), но и положительной (созидательной), проявляющейся в общественной жизни как массовый энтузиазм, духовный подъем и т.п.» [53].

В литературе широко распространены также социально-психологические определения социальной напряженности. Так, например, «социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние в группе или обществе в целом, вызванное давлением со стороны природной или социальной среды, продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени» [150]. Это определение было предложено в 1990 годы, но, тем не менее, данный подход актуален и для современного научного дискурса. Так, по мнению Ю.В. Земсковой социальная напряженность – это «состояние социальной системы (подсистемы: группы, общности и т.д.), характеризующееся нарушением равновесия интересов различных социальных субъектов и сопровождающееся негативными эмоциональными реакциями со стороны субъектов социальных отношений (такими, как беспокойство, страх, враждебность, агрессивность)» [75].

Обратимся к примеру определений, стремящихся обозначить социальную напряженность как объект междисциплинарного рассмотрения. По мнению Ю. Платонова, социальная напряженность

является интегральной составляющей трех взаимосвязанных факторов: неудовлетворенности, способов ее проявления и массовости. О.В. Панфилова предлагает определять социальную напряженность как интегральную величину, имеющую две составляющих. Одна из них должна выражать противоречия групп или индивидов на основе осознанных различий между ними. Другая – выражать неудовлетворенность, проявляющуюся на психологически-эмоциональном уровне. В качестве понятийного аппарата Л.Е. Петрова предлагает использовать категории реляционной модели организации структуры данных, принятых в информационных системах, такие как «сущность», «связь», «отношение» [135].

Как мы видим, что данные определения не полностью отражают рассматриваемый нами социальный феномен. Даже в работах профессиональных социологов мы видим социально-психологические определения. Действительно, данный феномен тесно связан с психологией. Основной массив современных работ авторов на Западе также обращен к психологической составляющей данного феномена, ориентирован на рассмотрение его на уровне индивида. Достаточно распространенным подходом к описанию социальной напряженности является процессный подход, то есть рассмотрение данного феномена в пространственно-временном континууме. Таким образом, стадии социальной напряженности как процесса отличаются одна от другой по своим пространственно-временным параметрам и формам выражения.

Многие авторы, например авторский коллектив труда «Юридическая конфликтология», Г.У. Солдатова склонны выделять первую стадию развития социальной напряженности как латентную. По нашему мнению, к данной стадии обоснованно можно отнести стадию генезиса, то есть зарождения социальной напряженности. Генезис социальной напряженности многие авторы видят в конфликтологической парадигме. Например, авторский коллектив «Юридической конфликтологии» выделяет наиболее общими предпосылками социальной напряженности устойчивую и длительное время неразрешаемую ситуацию рассогласования меж-

ду потребностями, интересами, социальными ожиданиями всей массы или значительной части населения и мерой их фактического удовлетворения, приводящую к накоплению недовольства, усилению агрессивности отдельных групп и категорий людей, нарастанию психической усталости и раздражительности [161].

В.О. Рукавишников видит глубинные причины данного феномена в совокупности экономических, политических, социальных и иных процессов, ход и направленность которых приводят к возникновению нестабильности в обществе и конфликтам. Такие процессы как бы создают фон, на котором и разворачиваются конкретные события [150]. Так и Ю.В. Земскова утверждает, что для состояния социальной напряженности характерна ситуация неопределенности, которая является конфликтогенной средой. Для нее типичны крайнее возбуждение субъектов, зачастую переходящее в истерию, порождающуюся неясностью перспектив, неуверенностью в смысле и направленности их действий. Она отмечает, что в конфликтогенной среде часто используется провокация для разжигания социального конфликта. В состоянии социальной напряженности формируется предконфликтная ситуация – совокупность конкретно-исторических обстоятельств, сложившихся в жизненно важном для социального субъекта пространстве, нарушающих его безопасность.

Обратимся к мнению Р. Райсига, работающего в русле социобиологического подхода. «...Социальная напряженность определяется как условие, которое возникает вследствие несовместимости инициатив в структуре общества. В основе этой теории лежит утверждение, что типичные черты современного урбанизированного индустриального общества влекут за собой возникновение напряжений у значительного числа людей. Среди подобных специфических условий чаще всего подразумевают перенаселенность и скученность, сложность социальных организаций, обезличенность отношений, социальные изменения и нестабильность» [145]. Как мы видим, присутствует явное смещение в сторону конфликтологической парадигмы в понимании генезиса феноме-

на социальной напряженности. Тем не менее, в представленных нами подходах прослеживается то, что феномен социальной напряженности, возникает не только на уровне индивида, но и на уровне общества, что еще раз подтверждает необходимость выработки дополнительного определения социальной напряженности.

Г.У. Солдатова подразделяет эту стадию на две – саму по себе латентную и фрустрационную. Вторая стадия определяется как обострение напряженности. Ее отличительной чертой является отчетливое осознание ненормальности существующего положения и наличия в обществе социальной напряженности большинством населения. Налицо развернутая конфликтная ситуация. На этой стадии могут начать возникать очаги резкого обострения напряженности в отдельных регионах и населенных пунктах, вспыхивать конфликты. Также Г.У. Солдатова предлагает свой вариант деления этой стадии на две, конфликтную и кризисную, которые определяет как явные формы. При этом она отмечает, что изучение явной социальной напряженности касается массового деструктивного поведения и его результатов. Изучение скрытой социальной напряженности относится к установкам, намерениям и эмоциональному состоянию людей [161].

Кроме того, можно выделить и третью стадию социальной напряженности. Она характеризуется ее уменьшением, постепенным исчезновением черт, характерных для этого состояния общественной жизни. Конфликты, возникшие на предыдущей стадии, могут еще продолжаться (не вызывая вместе с тем широкого общественного резонанса).

Наше исследование и разработка методического инструментария для оценки социальной напряженности в регионе требуют выработки собственного определения социальной напряженности. Представляется необходимым объединить в определении микроуровень и макроуровень, индивидуальные проявления и генезис социальной напряженности, а также массовые ее проявления, значение социальной напряженности для структуры общества (структурно-функциональный подход в социологии).

Основываясь на современном научном дискурсе относительно феномена социальной напряженности, а также целях и задачах проекта, можно дать следующее рабочее определение данного феномена: социальная напряженность – феномен, проявляющийся как на уровне сообществ индивидов, так и на уровне всего общества, характеризующийся нарастанием неудовлетворенности существующими социальными, политическими и экономическими условиями, и как следствие, с одной стороны приводящий к аномии, с другой – к массовым конфликтным противостояниям; развивающийся на уровне общества в течение длительного периода времени, имеющий дисфункциональное значение для социальной системы как дестабилизирующий ее, но при этом позволяющий выйти на новый качественный уровень и достичь состояния стабильности.

Рассмотрим обобщённое понятие социальной напряжённости, сформулированное на основе опроса экспертов. Чаще всего социальная напряженность определялась экспертами через негативные ощущения, которые испытывает население. В большинстве случаев социальная напряженность понимается как состояние нестабильности, вызванное несоответствием ожиданий населения и реального уровня жизни. Для разных территорий эти ощущения определяются через близкие понятия, но имеющие свой специфический оттенок. Для оных основной характеристикой является рост страха и недоверия. В других главный упор делается на ощущении покинутости и незащищенности населения в социальном плане. Для жителей города характерно определение напряженности через нарастание негативного настроения, выражающегося в нарастающем чувстве неуверенности и беспокойства. В регионе социальная напряженность так же выражается в неудовлетворенности существующими условиями и чувстве незащищенности, на фоне изменчивой, неустойчивой ситуации.

Основная оппозиция, связанная с социальной напряженностью и конфликтностью, понимается респондентами как противостояние между двумя социальными группами – властью (чинов-

никами) и народом. Это можно интерпретировать как недоверие к власти и склонность населения не рассматривать большинство других социально-демографических различий при выражении своего недовольства. Однако противостояние может выражаться и как оппозиция «богатые-бедные». При этом под богатыми людьми понимаются люди с очень высоким уровнем дохода, все остальные относятся к бедным. Значение же среднего класса вообще не воспринимается участниками исследования. Это может рассматриваться как признак социальной нестабильности, так как самоидентификация со средним классом большинства населения является общепризнанным признаком устойчивого общества.

Проявления социальной напряженности во всех городах и районах Алтайского края распадаются на две группы. Это признаки-причины и проявления-следствия социальной напряженности. В качестве основной причины социальной напряженности во всех местах выступает общее падение уровня жизни, связанное со все большим отставанием зарплат от роста цен и тарифов, особенно в сфере ЖКХ. Так же во всех территориях отмечается рост безработицы, связанный с падением производства и деловой активности. При этом к напряженности ведет не просто нехватка рабочих мест, но отсутствие работы с достойной оплатой и соответствующей уровню подготовки работников. К этой же группе относится и неудовлетворительное состояние сфер, жизненно важных для общества. Здесь речь идет о здравоохранении и образовании. Во всех местах отмечали рост доли платных услуг в этих сферах на фоне падения их качества.

Еще одной существенной причиной во всех территориях края является деятельность органов власти. В качестве особенно ярких примеров выступают реформы в сфере ЖКХ, образования и здравоохранения. Главным следствием этих причин является рост протестных движений, митингов демонстраций. Проявлением недовольства ситуацией и роста напряженности также могут выступать и пассивные формы протеста. К ним относятся рост критических высказываний во всех формах, рост числа жалоб

и обращений в самые разные инстанции, а также отказ от участия в выборах. Во всех территориях региона как одно из проявлений социальной напряженности был отмечен рост агрессивности. Эта агрессия провоцирует рост конфликтов на самых разных уровнях – это и бытовые, и трудовые, и межнациональные конфликты. К поведенческим аспектам также относится рост таких девиантных форм поведения, таких как наркомания, алкоголизм, преступность. Все это сопровождается ростом числа социальных и эмоциональных заболеваний, таких как туберкулез, ВИЧ-инфекция, гепатит и сердечно-сосудистые заболевания. Напряженность влияет и на демографические показатели: падение уровня рождаемости, сокращение продолжительности жизни.

Анализ научной литературы показывает, что для ситуации социальной напряженности характерно обостренное чувство социальной справедливости, сознание неоправдавшихся ожиданий, связанных с основными социально-политическими, духовными ценностями и идеалами. Оценка жизненных условий как несправедливых обостряет ряд социальных проблем, в том числе существовавших ранее в виде скрытых угроз. К их числу относится проблема недоверия (экономического, культурного, национального, идеологического). Недоверие – специфический социальный институт, обладающий собственными нормами и правилами, иерархией культурных ценностей и образцов поведения, характер и уровень недоверия зависит от конкретной исторической ситуации и может распространяться на все сферы жизни общества.

В состоянии социального напряжения общественный организм переживает структурное напряжение – обостряются противоречия и конфликты между субъектами социальных отношений (отдельными индивидами, социальными группами, организациями и пр.). Общественная система вступает в стадию аномии, разрыва между целями и ожиданиями, с одной стороны, и реальными средствами их реализации – с другой. Поощряемые ценности индивидуального успеха сталкиваются с неравенством в средствах и ресурсах их осуществления, что порождает конфликты.

Как правило, социальной напряженности присущи такие основные составляющие, как: вовлеченность в данный процесс значительной части населения; дисфункция общественного сознания, проявляющаяся на индивидуальном уровне в виде эмоционального стресса, мировоззренческой неопределенности и распространения отклоняющихся форм поведения; нарастающие готовности к активным действиям, рассматриваемым как вынужденное поведение, направленное против существующего социального порядка ради достижения желаемого состояния.

Социальная напряженность как явление, проявляющееся, прежде всего, на социально-психологическом и поведенческом уровнях, характеризуется следующими моментами. Первое: распространением настроений неудовлетворенности существующей ситуацией в той или иной жизненно важной сфере общественной жизни. Второе: тем, что под влиянием вышеназванных настроений утрачивается доверие к властям, снижается авторитет власти и власть авторитета, появляется ощущение опасности, широкое хождение приобретают пессимистические оценки будущего, всевозможные слухи. В обществе в целом, как и в отдельной территориальной общности возникает атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения. Третье: на поведенческом уровне социальная напряженность проявляется в стихийных массовых действиях. Формами выражения социальной напряженности могут быть выступления на собраниях, митингах, саботаж, акции гражданского неповиновения, забастовки и т.п.

Социальная напряженность нередко непосредственно связана с ростом активности различных общественно-политических формирований в борьбе за влияние в массах и за власть, с деятельностью разного рода экстремистских групп, в том числе националистического толка, с активизацией преступных элементов и т.д. Этот вид напряженности носит заметно выраженный региональный характер. В скрытой форме социальной напряженности можно выделить три относительно самостоятельных аспекта ее проявления: политический, экономический и социально-пси-

хологический. Политический аспект связан с преобладающим типом политического сознания граждан и их оценками современного социально-политического состояния общества и государства. Экономический аспект обусловлен общими негативными процессами в экономике и связан со структурой занятости населения и материальным положением людей. Социально-психологический аспект напряженности создает внутренние предпосылки и определяет потребность и готовность пойти на акции, могущие вызвать рост напряженности. Именно социально-психологический аспект является главным, определяющим структуру скрытой напряженности в обществе.

Из двух форм напряженности – явной и скрытой (латентной) – изучение первой предполагает анализ массового деструктивного (по отношению к обществу и в этом смысле отклоняющегося) поведения и его результатов; изучение же скрытой социальной напряженности относится к установкам, намерениям и эмоциональному состоянию людей. Социальная напряженность возникает, как правило, в группах, которые находятся в иерархической системе подчинения, когда одна группа имеет возможность оказывать воздействие на другую.

Таким образом, феномен социальной напряженности характеризуется следующими особенностями:

- в широких кругах населения возникают настроения недовольства положением дел в важных для них сферах жизни;
- снижается доверие власти;
- появляется атмосфера массового беспокойства и возбуждения.

Социальная напряженность ведет к вполне конкретным действиям людей:

- ажиотажный спрос на определенные товары и продукты питания;
- миграция населения в другие регионы страны и за рубеж;
- активизация различных общественных движений;
- проведение митингов, демонстраций, других акций социального протеста, часто не согласованных с властями.

Феноменом социальная напряженность выступает только на определенной стадии ее развития, когда формы ее проявления таковы, что позволяют обнаружить и наблюдать напряженность в обществе как самостоятельное явление (например, появляются высказывания гражданами неудовлетворенности своей жизнью, обращение к властям с определенными жалобами и требованиями, разного рода акции социального протеста и т.п.).

Социальная напряженность это характеристика социально-психологического состояния и реального поведения значительных социальных групп населения. Показатели уровня социальной напряженности в обществе – это количественные и качественные ее характеристики, применяемые для оценки реально сложившегося положения дел в обществе. Влияние таких факторов, как занятость трудоспособного населения, уровень его доходов, качество и продолжительность жизни, производительность труда и т.п. – на уровень социальной напряженности в обществе – очевидно. Но социально-экономических показателей недостаточно, чтобы объяснить феномен социальной напряженности. Для оценки уровня социальной напряженности должны учитываться также социально-политические, правовые, социально-психологические, культурологические, конфликтологические и другие показатели (например, развитость демократических институтов и гражданского общества, состояние международных отношений в обществе, стабильность социальной сферы, авторитет власти и т.д.). Люди, не доверяющие власти, низко оценивающие ее деятельность в решении социальных проблем региона, потерявшие веру в демократию, выступающие с акциями социального протеста сигнализируют о наличии в обществе социальных проблем, о неблагоприятном положении определенных групп населения.

Определенный уровень социальной напряженности свойственен любому обществу и всегда сопровождает его. Высокая социальная напряженность в регионе возникает и продолжается в течение более или менее продолжительного времени.

Напряженность может быть вызвана не только стремлением социальных субъектов достичь каких-либо целей, но и разного рода ошибками или некомпетентностью властных структур. Нормальное состояние может измениться из-за воздействия на социум неподконтрольных человеку факторов: техногенных катастроф, истощения природных ресурсов региона, наводнений, землетрясений и т.д. На уровень социальной напряженности воздействует информация, например, местных СМИ, вызывающее обострение ситуации. Социальная напряженность также связана с активностью различных общественно-политических сил в борьбе за власть, с деятельностью разного рода экстремистских и террористических группировок, криминальных структур и т.д. Главная предпосылка возникновения социальной напряженности – это устойчивая, длительное время присутствующая ситуация наличия социально значимого противоречия в интересах социальных субъектов, разрыв между ожиданиями значительной части населения региона и мерой их фактического удовлетворения, приводящие к усилению недовольства отдельных социальных групп и категорий граждан, нарастанию социально-психической усталости и раздражительности большинства населения региона.

Таким образом, высокая социальная напряженность – это важный показатель социального неблагополучия и сопутствующих ему всевозможных форм социальных конфликтов. Однако нельзя относить социальную напряженность к чисто негативным социальным явлениям. Социальная напряженность может мобилизовать массы, усилить позитивные процессы (например, сформировать конструктивное движение в регионе).

Выделяют три стадии социальной напряженности:

1. Появление и нарастание социальной напряженности.
2. Обострение и пик напряженности, характеризующееся осознанием наличия в обществе противоречий большинством населения.
3. Снижение социальной напряженности.

Феномен социальной напряженности, рядом исследователей признается неотъемлемой частью конфликтности в обществе. Таким образом, социальная напряженность при определенных условиях может достигать своего пика и перерастать в форму реальной конфликтности населения, в том числе с ярко выраженными деструктивными последствиями.

Раздел 2. Методология и методика исследования социальных конфликтов и напряженности в обществе

2.1. Социология конфликта

Практически с самого момента зарождения в социологии сложилось два течения, различаемых по характеру отношения к сущности социального конфликта. Условно их можно назвать как консенсуальная и конфликтная социология. Принципиальные отличия этих направлений кроются в отношении к феномену социального конфликта. Представители первого направления считают, что конфликты вредны для общества и их во что бы то ни стало необходимо искоренять из практики общественной жизни. Представители второго подхода называют конфликты естественным явлением, а задача социологии как науки сводится к их всестороннему анализу и разработки практических рекомендаций по решению. Истоки консенсуальной социологии заложены Огюстом Контom. Он рассматривал конфликт как элемент социальной патологии – болезненного отклонения от нормального состояния. В соответствии с его точкой зрения конфликт – это отклонение от нормы, однозначно деструктивное и негативное начало в общественной жизни (независимо от того, на каком уровне происходит конфликт – на межличностном или межгрупповом). Согласно Конту для общественной жизни необходимо органическое единство структурных элементов на основе общего согласия. Как в естественном мире все гармонично и поддается измерению и изучению, так должно быть и в обществе. Для организации гармонического функционирования структурных элементов общества Конт предлагает использовать механизмы консенсуса, под которым он понимал: во-первых, структурную

согласованность частей социального целого (по аналогии с биологией); во-вторых, субъективное согласие (совпадение мнений, мышления, привычек), т.е. солидарность. Тем самым Конт закладывает основу консенсуальной социологии. Тезис о функциональном единстве, о гармонии различных частей социального целого развивал и Эмиль Дюркгейм. Важнейшей категорией его социологии является солидарность. Она соединяет индивидов и превращает их в некоторую целостность. Как появляется эта солидарность? Общество находится над человеком, каждый индивид, появляясь на свет застаёт общество и его нормы в уже готовом виде и вынужден ими подчиняться. Поколения сменяют друг друга, а социальные институты находятся в прежнем виде. Все это держится на коллективном сознании (причем это коллективное создание не просто совокупность индивидуальных, а нечто общее). Продолжил идеи Дюркгейма о функциональном единстве Толкотт Парсонс. Он трактовал социальный конфликт как аномалию, своего рода социальную болезнь, которую надо лечить. А под нормой понимал отсутствие социальных конфликтов, гармонию социальной системы, снятие социальной напряженности. В его представлении идеальная социальная конструкция общества (названная им «общество безопасное») основана на сотрудничестве и интеграции. Общество – это устойчивая, стабильная, интегрированная структура, его функционирование основано на принципах консенсуса. Таким образом, представители первого направления были ориентированы на обеспечение и поддержание порядка, равновесия, сотрудничества. Дальнейшее развитие социологии исходило из того, что слишком много в обществе тех самых отклонений, конфликты пронизывают все общественную систему. Так может это – не отклонение от нормы, а как раз та самая норма. Эта посылка стала отправной для представителей второго направления – конфликтная социология. И пионерами этого направления были представители социал-дарвинизма – социологической теории, согласно которой закономерности естественного отбора и борьбы за существова-

ние, выявленные Чарльзом Дарвином в природе, распространяются на отношения в человеческом обществе. Социал-дарвинизм пользовался особой популярностью с конца XIX века до окончания Второй мировой войны. Естественный отбор лежит в основе эволюционного процесса, в результате действия которого в популяции увеличивается число особей, обладающих максимальной приспособленностью (наиболее благоприятными признаками), в то время, как количество особей с неблагоприятными признаками уменьшается. Конфликт в таком подходе отождествлялся как раз с той самой борьбой, и конфликт в принципе – это форма социального взаимодействия. Обратимся к основным представителям этого направления:

Герберт Спенсер рассматривал общество как биологический организм, каждый орган (социальный институт) которого выполняет определенную функцию и тем самым способствует функционированию всего организма. Он был сторонником принципа невмешательства: государство не должно искусственным образом регулировать существование общества. Невозможен ни социализм, ни коммунизм. Только естественным образом развиваясь общество может быть успешным. А конфликты – это как раз стимул к развитию, они неизбежны. Так же как и борьба в естественном отборе. Он приводит в пример экономическую конкуренцию как двигатель развития экономической сферы общества. Людвиг Гумплович определял конфликты как сущность исторического процесса, дифференциация общества на господствующих и подчиненных, по его мнению, – явление вечное, а конфликты способствуют единству общества, возникновению более широких объединений людей. Дальнейшее развитие социологии шло преимущественно по второму направлению, признававшем закономерный характер возникновения и развития конфликтов в обществе [54].

Социальную напряженность как самостоятельный предмет исследования возник еще в XIX веке, но его социологическая разработка началась только с середины XX века. В последнее время проблемам социальной напряженности и конфликтности в об-

щество социальными учеными придается большое значение. Социальную напряженность изучали такие выдающиеся социологи, как Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Л. Козер, Л. Фестингер и др. Наиболее близким по содержанию и специфике к термину «социальная напряженность» выступает понятие аномии, введенное в категориальный аппарат социологии Э. Дюркгеймом. Он связывал аномию с отсутствием солидарности и широким распространением самоубийств в обществе. Согласно Дюркгейму, аномия – это результат отсутствия или слабости нормативного регулирования человеческого поведения. Э. Дюркгейм использует термин «социальная напряженность» при анализе проблемы разрыва социальных связей, утраты ценностных ориентиров, нарастания в обществе социальной аномии. Э. Дюркгейм писал, что биологическая природа человека находится в противоречии с его социальной природой, что обуславливает никогда не прекращающееся беспокойство, чувство напряженности и тревоги. Только контроль со стороны общества сдерживает человека, создавая определенные рамки для его действий. Ослабление контроля общества над индивидом приводит к возникновению аномии, состоянию дезинтеграции общества и индивида [58].

По Р. Мертону, социальная напряженность возрастает вследствие нарушения равновесия между элементами социальной структуры. Т. Парсонс, отмечает, что осуществление социальным субъектом социального действия, является источником социальной напряженности и конфликтности в обществе. Т. Парсонс зафиксировал, что социальная напряженность неразрывно связана с конфликтом: она предшествует ему и при соответствующих условиях может перерасти в конфликт. Развернутый анализ социальной напряженности дал Н. Смелзер. В отличие от Т. Парсонса, в своей трактовке напряженности, прежде всего, акцентирует внимание на ее деятельностной природе. Определяя ее как несоответствие между компонентами действий субъектов, он отмечает наличие напряженности на разных уровнях социального действия. П. Сорокин называл источниками социальной напря-

женности и конфликтов в обществе подавленные потребности. Предотвращение напряжения возможно тогда, когда власти отслеживают меру удовлетворения потребностей различных социальных слоев и находят средства для их удовлетворения, когда они не допускают серьезных разрывов между слоями общества в удовлетворении потребностей, поддерживая социальное неравенство на уровне социальной нормы.

Современные зарубежные социологические исследования Р. Дарендорфа, Ф. Анкерсмита, Р. Фуллера, Р. Райсига и др [145]. посвящены проблемам социальных конфликтов, возникающих из-за наличия социальной напряженности в обществе. Так, по мнению немецкого исследователя Р. Райсига современное общество является не стабильным, а конфликтным, амбивалентным, неопределенным [145]. Авторами изучаются процессы усиления противостояния между различными социальными группами в социуме. Однако, приближаясь к проблеме социальной напряженности и конфликтности, указанные исследователи рассматривают их не в полной мере, а лишь отдельные формы их проявления, например, отдельные виды социальных конфликтов.

Иностранцы и отечественные исследователи отличаются в своих методологических подходах к рассмотрению напряженности и конфликтности в обществе. Зарубежные специалисты больше внимания уделяют социально-психологической стороне напряженности и конфликтности, природа напряжения и конфликтов объясняется особенностями поведения индивидов. В западной социологии доминирующей стала традиция индивидуализации и психологизации социальной напряженности при анализе неблагоприятных социальных ситуаций в обществе.

Кризисное состояние советского общества в начале 1990-х годов повлекло за собой необходимость детального изучения социальной напряженности и конфликтности в отечественной науке. Термины «социальная напряженность» и «конфликтность» быстро вошли в лексикон не только представителей социально-гуманитарных наук, но и политиков, журналистов и даже простых

граждан в качестве синонима неблагополучной, острой, кризисной ситуации в нашем обществе. В первой половине 1990-х годов в нашей стране, помимо множества публицистических изданий, оперировавших терминами «напряженность» и «конфликтность», вышел целый ряд научных работ, специально посвященных теоретическому осмыслению проблемы социальной напряженности и конфликтности в различных сферах российского общества [66; 133]. В конце прошлого и начале нового столетия в нашей стране появились научные работы, в которых с разной степенью полноты и детализации рассматривались различные теоретические и прикладные аспекты данной проблематики: природа социальной напряженности и конфликтности в обществе, причины их возникновения, основные факторы, детерминирующие их возникновение, развитие, пути и способы их снижения, методы их социальной диагностики и управления и др. [161; 155].

Однако отдельные важные вопросы, касающиеся неоднозначности факторов, детерминирующих социальную напряженность и конфликтность в нашем обществе, их уровней в разных регионах, способах прогнозирования и предотвращения остались за рамками многих социологических исследований. Положения, высказанные отечественными авторами в качестве гипотез (например, идея о циклическом характере колебаний социальной напряженности), несомненно, требуют дальнейшей обстоятельной эмпирической проработки. С точки зрения российского социолога В.О. Рукавишникова, социальная напряженность – это не просто сигнал о кризисном состоянии системы, о нарушении баланса ее структур и функций, она выражает определенное духовное состояние индивидов и социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящему и к другим индивидам и группам [150].

Системный подход к анализу социальной напряженности и конфликтности в современном российском обществе представлен в работах С.В. Янина, Е.В. Тучкова, А.С. Белоусова, А.П. Гришина и др. Однако, в их научных трудах совершенно

не исследованными остались концептуальные проблемы, связанные с анализом соотношения понятий «социальная напряженность» и «конфликтность» в обществе. Для исследования социальной напряженности и конфликтности в современном российском обществе целесообразно выявить факторы, формирующие их в разных регионах современной России, провести сравнительный анализ и разработать методику социологического исследования их уровня, что особенно актуально для управления данными социальными процессами.

В центре внимания отечественных исследователей находились также вопросы соотношения социальной напряженности с происходящими в современном российском обществе различного вида конфликтами. Затрагивались проблемы принятия управленческих решений в ситуации конфликтов и рисков, возникших в результате роста социальной напряженности (О.Н. Корольков, А.Б. Трухин, А.П. Семенов). Однако в данных исследованиях совершенно не просматривается взаимосвязь между уровнем социальной напряженности в обществе, формами ее проявления и уровнем конфликтности в социуме. Указанные работы, несомненно, имеют большое теоретическое и практическое значение для нашего исследования. Однако, несмотря на широкий спектр работ, представляющих различные теоретико-методологические направления исследования уровня социальной напряженности и конфликтности в региональном социуме и могут рассматриваться в качестве методологического основания их социологического анализа, в них не представлены или освещены очень фрагментарно и недостаточно полно многие вопросы. В рамках проблемы исследования социальной напряженности и конфликтности в региональном социуме остается много неясных и дискуссионных моментов, в частности связанных с неоднозначностью факторов, детерминирующих социальную напряженность и конфликтность в регионах Российской Федерации, поскольку, в силу существенных региональных особенностей, их параметры не одинаковы.

В настоящее время отсутствуют социологические исследования, в области измерения факторов социального характера, формирующих определенный уровень социальной напряженности и конфликтности в регионах РФ. В редких исследованиях, посвященных измерению уровня социальной напряженности и конфликтности в конкретном регионе РФ, нами не обнаружено разработки четкой системы показателей, характеризующих уровень социальной напряженности и конфликтности в обществе, отдельных индикаторов, что является важной информацией для принятия управленческих решений в регулировании уровня социальной напряженности и конфликтности в обществе. Недостаточно изучены вопросы, касающиеся взаимосвязи уровней развития социальной напряженности и конфликтности в социуме, форм их проявления, что позволило бы, в сочетании с прогнозированием их уровней, предвидеть и предотвращать негативную протестную активность населения. В связи с этим, важно располагать универсальной социологической методикой анализа социальной напряженности и конфликтности в регионах РФ, позволяющей, на основе полученных показателей, выявлять факторы, влияющих на возникновение высокого уровня социальной напряженности и конфликтности населения в регионах в современный период, определять социальные группы с высоким уровнем социальной напряженности и конфликтности, строить прогноз изменения уровня социальной напряженности и конфликтности для принятия управленческих решений в плане стабилизации их уровня. Для измерения уровня социальной напряженности и конфликтности в социуме исследователями используются анкетные опросы, в которых происходит измерение социального благополучия, отношение к социальным проблемам и причинам, вызывающим у людей недовольство.

Необходимость регулирования уровня социальной напряженности и конфликтности в регионе обуславливает реальную потребность в ее детальном социологическом анализе. Под социологическим анализом напряженности и конфликтности мы понимаем:

- выявление факторов, определяющих социальную напряженность и конфликтность в регионе на актуальном этапе их развития;
- определения уровня напряженности и конфликтности в различных социальных группах регионального социума (на основе выявленных факторов) и выявление социальных групп с высоким их уровнем;
- определения уровня социальной напряженности и конфликтности в регионе относительно каждого из выявленных факторов;

Еще большая необходимость существует в ранней диагностике уровня социальной напряженности и конфликтности для принятия упреждающих мер по их снижению. В арсенале социологов должны существовать соответствующие комплексные социологические методики, которые должны позволять определять уровень социальной напряженности и конфликтности в регионе, в отдельных социальных группах населения региона, выявлять их индикаторы, факторы, уровень неудовлетворенности населения сложившейся ситуацией и т.п. В этих социологических методиках должны учитываться особенности развития конкретного региона РФ, а, следовательно, специфичность факторов, определяющих социальную напряженность и конфликтность в регионах. Важным моментом при определении уровня социальной напряженности и конфликтности и построения модели управления данными социальными процессами является учет разнообразных социальных факторов.

2.2. Методика исследования конфликтности и напряженности

Анализ существующих теоретических и методологических подходов к анализу социальной напряженности и конфликтности, которыми располагает отечественная и зарубежная социологическая наука, показывает, что в арсенале социологов, к сожалению, не достаточно исследовательского инструментария, позволяющего детально анализировать социальную напряженность

и строить модель снижения уровня социальной напряженности. В настоящее время в научной литературе можно найти немало количество различных методик, инструментов для измерения социальной напряженности в региональном социуме. Необходимо отметить, что в социологии существует давняя традиция конструирования соответствующих методик. Так В. Дэвис, в рамках изучения удовлетворенности людей социальной средой, разработал шкалу, состоящую из сорока индикаторов, предназначенных для оценки таких параметров, как социальное окружение, демографические характеристики респондентов (доход, пол, возраст). Социолог Д. Фесслер предложил шкалу для измерения общественной солидарности. К. Жессер создал вопросник для изучения социальной удовлетворенности в социальных группах и общностях. В современной практике методического обеспечения исследований подобной проблематики широко используется «миннесотский опросник» удовлетворенности населения. Однако, как было уже сказано выше, в западной социологии термин «социальная напряженность» («social tension», «social strain») используется крайне редко. Исследователи заменяют его понятием «социальный стресс» («social stress»). В результате в целом ряде методик встречается трактовка «напряженности» в чисто психологическом смысле этого слова. Анализ существующих социологических методик позволяет сделать вывод, что для изучения напряженности и конфликтности в обществе, наиболее часто, применяются различные опросные методы социологического исследования. Массовые опросы населения позволяют отслеживать изменения в разнообразных сферах общественной жизни. В наиболее простой форме исследователи пытаются оценить актуальное состояние социума, для отражения которого используется термин «социальное самочувствие» [12].

Довольно часто при проведении социологических исследований социальной напряженности и конфликтности, используется измерение уровня относительной депривации. Уровень относительной депривации рассчитывается как расхождение меж-

ду ожидаемыми результатами деятельности индивидов и теми возможностями, которые им предоставляет общество для их удовлетворения. Чем ниже возможность достижения цели, тем сильнее испытываемая индивидом неудовлетворенность. Признавая право на существование подобных методик, специалисты по измерению социальной напряженности, вместе с тем, отмечают их низкую валидность, поскольку ответы на такие подобные вопросы часто формируются под влиянием сиюминутных настроений респондентов. Кроме того, социологами зафиксирована склонность респондентов несколько завышать оценки удовлетворенности своей жизнью. Значительно более надежными нам представляются современные социологические методики анализа социальной напряженности и конфликтности, содержащие несколько вопросов, ответы на которые впоследствии преобразуются в общий индекс удовлетворенности населения своей жизнью, социального благополучия населения и т.д.

Большинство социологических методик исследования напряженности и конфликтности в обществе, строится по единой схеме: респондентов просят оценить уровень удовлетворенности различными сторонами своей жизни. В настоящее время существует ни мало подобных методик. В качестве примера можно привести шкалу общей удовлетворенности Дж. Вортон и А. Мура по оценке удовлетворенности респондентов местом их проживания. Она состоит из показателей-высказываний респондентов, которые сведены в шесть шкал, предназначенных для измерения ряда переменных: привлекательности района проживания; возможности получить новую работу; качества услуг учреждений здравоохранения; состояния жилья; возможность получить желаемый уровень образования; удовлетворенность своим социальным окружением. По каждому из высказываний респондент должен дать ответ в диапазоне от «абсолютно согласен» до «абсолютно не согласен» [182]. Однако, используя методики данного типа, можно лишь констатировать наличие у определенной социальной группы внутренней неудовлетворенности какими-то сто-

ронами их жизни, в то время как причины реальной социальной напряженности в обществе остаются совсем неисследованными. Используя подобные методики, исследователь, как правило, не получает информации об отношении респондентов к изменению сложившейся системы социальных отношений в обществе, выраженности в той или иной степени некоторых форм социальной напряженности и конфликтности. Потому существующие в западной социологии методики анализа напряженности и конфликтности в обществе необходимо дополнить новыми исследовательскими инструментами, техниками и процедурами.

В связи с этим еще в 1990-е годы методический инструментарий отечественной социологии пополнился рядом разработок российских социологов по измерению социальной напряженности и конфликтности в нашем обществе [56]. Методика, предложенная Е.В. Давыдовой, изначально создавалась для работы с большими по численности социальными общностями. Особым видом социологических исследований, базирующихся на использовании опросных методов, можно считать методику оценки социальной напряженности в городских локальных социумах. Ю.М. Плюснин в своем исследовании социальной напряженности в г. Новосибирске выделил две ее формы: явную и скрытую. На основе разработанного им исследовательского инструментария получены показатели социальной напряженности, отражающие материальное благосостояние горожан, их настроения, характер отношения с близкими людьми, отношение к экономическим, социальным, религиозным, политическим и иным процессам в обществе, опыт и намерение участия в акциях протеста, а также оценка вероятности роста напряженности и массовых конфликтов в городе [55].

В разных регионах нашей страны уровни социальной напряженности и конфликтности могут быть неодинаковыми, в различные периоды времени их значения могут существенно меняться. Социологическая методика исследования социальной напряженности и конфликтности должна быть достаточно гибкой и учитывать все социальные факторы, существующие как в це-

лом в стране, так и в отдельных ее регионах. Оценивая в целом опросные методы измерения уровня социальной напряженности и конфликтности в социуме, разработанные отечественными и западными социальными исследователями, отметим, что в своем подавляющем большинстве они представляют собой инструменты, предназначенные для измерения степени удовлетворенности респондентов своей жизнью. Конечным показателем, получаемым в результате обработки данных подобных опросов, в них выступает некий полученный индекс, который интерпретируется достаточно произвольно. Использование только опросных методов измерения уровня социальной напряженности в социуме не предоставляет возможности своевременного регулирования ее уровня, предупреждения конфликтности различных социальных субъектов, приводящих к дестабилизации всей социальной системы общества. В анкетах таких опросов содержатся вопросы, выясняющие: удовлетворенность граждан их жизнью, улучшится или ухудшится, по их мнению, жизнь в ближайшем будущем или останется без изменения, готовность граждан к участию в акциях протеста и т.п. Исследователи, изучающие социальную напряженность и конфликтность в обществе, предлагают измерять их уровень также с помощью метода экспертных опросов. Он базируется на мнении высококвалифицированных специалистов (экспертов), обобщении их мнений о мерах понижения уровня социальной напряженности и конфликтности в обществе. Однако здесь существует определенная степень субъективности полученных результатов. При анализе уровня напряженности и конфликтности в обществе только лишь опросных методов явно недостаточно. По мнению авторов, несмотря на большую значимость опросных методов исследования напряженности и конфликтности в обществе, они должны комбинироваться с другими социологическими методами сбора информации о данных социальных феноменах. Открытие новых возможностей для социологического анализа уровня напряженности и конфликтности в обществе – важная задача действий исследователей в данном направлении.

Социологический подход к анализу напряженности и конфликтности предполагает выявление причин, форм проявления и регулирования конфликтов в обществе, как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Научное осмысление социальных конфликтов основывается на тезисе о неизбежности возникновения и развития противоречий в обществе. Поэтому, как справедливо отмечает Е.И. Степанов, «должно быть признано и обосновано место социального конфликта в качестве повседневного и естественного явления общественной жизни, ее неотъемлемого атрибута» [161, с. 52].

Большинство исследователей социальных конфликтов также сходятся во мнении относительно полифункциональности противоречий, возникающих в обществе. Конфликтное взаимодействие при определенных условиях разрушает, а при других – сохраняет и укрепляет социальный организм, иными словами, любой социальный конфликт несет за собой как деструктивные, так и конструктивные последствия. В этой связи принципиальную значимость приобретает вопрос о факторах и переменных, определяющих социальные последствия определенных социальных конфликтов. Тезис о необходимости различения позитивных и негативных следствий конфликтного взаимодействия лежит в основе деятельности по управлению конфликтами в обществе. Главная задача управления конфликтностью в обществе заключается в обеспечении условий для максимизации конструктивных и минимизации деструктивных последствий социальных конфликтов. Грамотное управление конфликтностью в обществе ставит своей целью налаживание эффективного механизма сотрудничества государственной власти с населением. Такой механизм предполагает возможность решить существующие социальные, экономические, политические проблемы, выступившие источником конфликтности в обществе. Представляется, что основным субъектом, способным эффективно управлять конфликтностью в обществе выступает государственная власть.

Мониторинг (от англ. monitor – контролировать, проверять) – это специально организованное, систематическое наблюдение за состоянием объектов, явлений, процессов с целью их оценки, контроля и прогноза. Таким образом, мониторингом называется специальный вид наблюдения. Наблюдение же можно определить как постоянные, продолжающиеся во времени сбор, анализ и распространение определенных данных среди тех, кому они необходимы. Мониторинг может включать в себя широкий спектр различных методов и процедур, таких, например, как: массовые обследования населения, активное выявление интересующих случаев в популяции или их пассивная регистрация по данным текущего статистического учета, использование специализированных баз данных и регистров, катamnестическая оценка эффективности направленного вмешательства в негативные социальные процессы, оценка факторов риска для развития определенных негативных социальных явлений. Мониторинг представляет собой центральную, «сердцевинную» часть любой эффективной системы контроля. Лишь на его основе возможны получение информации о реальной угрозе и снижение затрат за счет средств, обычно расходуемых на борьбу с мнимыми угрозами.

Мониторинг преследует следующие основные цели. Во-первых, он позволяет выявить широкое распространение или подъем уровня какого-либо негативного явления у населения. Чем быстрее это выявляется, тем, естественно, эффективнее превенция и программы контроля. Во-вторых, данные мониторинга обеспечивают получение информации о «естественной истории» какого-либо явления. В-третьих, благодаря данным мониторинга можно прогнозировать масштаб и характер распространения этого явления. И, наконец, в-четвертых, мониторинг дает возможность оценить эффективность вмешательства на основе точных количественных показателей.

Исследования, проводимые на территории региона с целью мониторинга по своему исследовательскому плану, относятся к так называемым региональным. Главной отличительной ме-

тодологической характеристикой регионального исследования является его направленность на выявление отношений между повреждающим фактором и негативным состоянием, причем скорее на популяционном, чем на индивидуальном уровне. Популяционный уровень анализа предусматривает использование агрегированных статистических показателей, т.е. тех, которые обобщают особенности отдельных входящих в популяцию индивидов, а также показателей, отражающих состояние социальной среды, в условиях которой эти индивиды проживают или работают. Это могут быть и какие-то переменные «глобального» характера, присущие данной территории в целом, например географическое расположение на путях миграционного потока или состояние медицинской помощи в социуме.

Целевые группы идентифицируются в региональном исследовании либо по локализации, либо по времени наблюдения. Для мониторинга характерно одновременное использование обоих этих идентифицирующих параметров. Другими словами, ему присуще сравнение во времени показателей, полученных для популяции, занимающей географически определенную территорию.

План регионального исследования имеет ряд очевидных преимуществ с точки зрения целей мониторинга:

- такое исследование может быть выполнено быстро и сравнительно дешево, поскольку в нем могут быть широко использованы уже имеющиеся данные.
- анализ и представление данных эмпирического исследования относительно просты для понимания.
- в подобном исследовании можно изучить широкий круг переменных, влияющих на состояние объекта мониторинга.
- оно позволяет уловить представляющие особый интерес для целенаправленного вмешательства региональные, т.е. проявляющиеся только на уровне территории в целом, эффекты воздействия переменных.

Однако отсутствие информации на индивидуальном уровне приводит к существенному ограничению в использовании дан-

ных регионального исследования. Его наглядно иллюстрирует часто приводимая характеристика населения штата Флорида (США), где люди «рождаются латиноамериканцами, а умирают евреями». Обобщенные характеристики населения штата на самом деле мало что говорят. Под методологией здесь понимается наука о совокупности приемов исследования, используемых в некоей конкретной области знания.

Такие несвязанные данные позволяют оценивать только групповые характеристики, а попытки устанавливать на их основе связи на уровне индивида или говорить о причинности совершенно некорректны. Ошибка проистекает из многоуровневой структуры причинности агрегированных эмпирических данных. Дополнительные ограничения на использование данных региональных исследований накладывает неспособность таких данных улавливать слабые или отклоняющиеся от линейных связи между факторами и популяционными характеристиками. Это обусловлено их «грубым» характером и отсутствием информации о промежуточных переменных, могущих исказить связи.

Существует важное методическое отличие мониторинга от текущей статистической оценки уровня социальной напряженности, которая основывается на регулярном наблюдении уровня определенной совокупности статистических показателей, фиксируемых для общей популяции, в целях выявления их закономерных изменений во времени. Мониторинг же чаще всего ограничивается наблюдением тех подгрупп населения, которые по некоторым соображениям уже идентифицированы как в наибольшей степени связанные с изучаемым социальным явлением, однако также осуществляется по совокупности различных показателей, в том числе и статистических.

На основе характеристик социальной напряженности можно построить систему социологических показателей, позволяющую осуществлять измерение степени (или уровня) напряженности, имеющей место в обществе или конкретной территориальной общности. Как обычно в таких системах, могут и должны исполь-

зоваться и прямые, и косвенные индикаторы (показатели, учитываемые официальной статистикой, и показатели-переменные, значения которых могут быть получены только входе социологического мониторинга общественных настроений и оценок).

В состав системы показателей социальной напряженности непременно входят признаки, характеризующие сферу субъективного: мнения людей по отношению к тем или иным событиям, действиям, их оценки меры удовлетворения своих жизненно важных потребностей, ожиданий, решения проблем, затрагивающих общие интересы, доверие к правительству и руководителям более низких рангов; оценки соблюдения прав человека, состояния охраны общественного порядка и личной безопасности граждан, экологической ситуации, состояния межнациональных отношений, возможности возникновения конфликта, вероятного поведения в проективных ситуациях, альтернатив развития событий в ближайшем будущем и т.д. Обязательно должны учитываться и коррелирующие с вышеназванными показатели состояния сферы общественного бытия, условий жизни людей. Из множества последних следует выделить данные о фактах наличия, частоте и масштабах самих конфликтов, митингах, демонстрациях и других акциях подобного рода массовых социально активных действиях, миграционных и эмиграционных потоках, динамике цен, товарооборота и покупательной способности различных категорий населения, структуре и динамике преступности, данные медицинской и др. статистики.

Исследователями были выделены уровни социальной напряженности с соответствующими баллами. Динамика уровня социальной напряженности: 5 баллов – социальный взрыв, массовые акции протеста; 4 балла – массовая социально-психологическая, идеологическая и организационная готовность больших групп людей к совместным действиям по защите своих интересов; 3 балла – социальная интеграция разрозненных микрогрупп на основе общих негативных эмоций и объединяющих идей при появлении лидеров и общественных организаций, аккумуля-

рующих общественное недовольство; 2 балла – эмоциональное сопереживание неблагополучия и обмен чувствами и мнениями на уровне микрогрупп; 1 балл – состояние индивидуального дискомфорта при социальной пассивности индивидов; 0 оценка означает полную социальную апатию и политическую пассивность.

По результатам исследования, согласно предложенной методике, определяется сумма баллов и выводится средний балл расчетного коэффициента социальной напряженности по пятибалльной системе в каждом муниципальном образовании. Наряду с описанной выше существуют и другие методики определения уровня социальной напряженности. Практически все они основаны на использовании целого ряда типовых показателей. В их числе:

1. Показатели социальной депривации или фрустрации вследствие неудовлетворенности существующими условиями жизни, невозможности реализовать основные жизненные потребности и интересы. Данные показатели фиксируются главным образом через оценки уровня жизни, ее качества (приемлемый – неприемлемый, терпимый – нетерпимый, высокий – низкий и т. п.).

2. Показатели социальной идентификации, выражаемые через осознание людьми своей принадлежности к определенным общественным группам, деление окружающих на «своих» и «чужих», а также через выявление уровня толерантности, терпимости по отношению к позициям и действиям «несвоих».

3. Показатели готовности к протестным действиям, что выражается, прежде всего, через личную настроенность на защиту собственных интересов, а также на открытое выступление против устремлений и действий представителей властных и силовых структур, органов местного самоуправления, администрации предприятий, а также других общественных и государственных институтов.

4. Показатели, основанные на анализе уже предпринятых протестных (конфликтных) действий как мотивированных всеми вышеназванными обстоятельствами, так и дающими дополнительные представления о мотивах подобных действий.

При умело налаженном мониторинге общественных настроений и их глубоком научном анализе вышеизложенная система показателей способна, на наш взгляд, дать исчерпывающее представление об уровне социальной напряженности на предприятии, в населенном пункте, в том или ином регионе страны, а также в обществе в целом. И, исходя из этого, наметить комплекс конкретных мер, направленных на реализацию их программных целей.

Существуют также косвенные индексы, позволяющие измерить латентную социальную напряженность. Для расчета этих индексов могут использоваться, в частности, методики расчета индексов социальных настроений, предложенные Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Левада-Центром. Методика расчета индексов социальных настроений Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Одним из важных направлений исследовательской деятельности ВЦИОМ является анализ динамики ряда социальных индикаторов, отражающих: а) уровень и тенденции социального самочувствия населения; б) оценки россиянами положения дел в стране и в) оценки деятельности основных демократических институтов российского общества.

Эмпирической базой для расчета индексов, лежащих в основе динамических рядов, служат данные ежемесячных экспресс-опросов, проводимых ВЦИОМ по репрезентативной общероссийской выборке (с учетом квот по полу, возрасту, образованию и территориальному районированию Госкомстата) в 39 областях, краях и республиках России в 100 населенных пунктах (количество респондентов 1600 человек).

Индикаторы социального самочувствия населения включают оценки:

- 1) удовлетворенности жизнью в целом;
- 2) материального положения своей семьи;
- 3) того, как будет жить семья через год;
- 4) приспособленности к происходящим в стране переменам.

Отношение населения к положению дел в стране измеряется следующими индикаторами:

- 1) оценка экономического положения России;
- 2) оценка политической ситуации в стране;
- 3) согласие/не согласие с тем, что дела в стране идут в правильном направлении.

Индикаторами отношения к деятельности демократических институтов является одобрение/неодобрение деятельности:

- 1) Президента России;
- 2) Правительства России;
- 3) Государственной Думы ФС РФ;
- 4) Губернатора края, главы субъекта Федерации;
- 5) Совета Федерации ФС РФ;
- 6) главы администрации, мэра города;
- 7) политических партий;
- 8) правоохранительных органов;
- 9) средств массовой информации;
- 10) российской армии;
- 11) судебной системы и т.п.

Для анализа и визуализации полученных в ходе исследований динамических рядов данных нами используется метод построения индексов, как частного, так и комплексного характера. Частные индексы по каждому из рассматриваемых индикаторов рассчитываются как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок. Основной мотив построения данной модели состоит в выявлении соотношения позитивных и негативных настроений в обществе. Возможность получения при этом (в случае преобладания негативных настроений над позитивными) отрицательных величин позволяет зафиксировать некие «критические точки» в общественном мнении, а главное – в реальном положении дел. При визуализации полученных результатов приближенность или, напротив, удаленность графических изображений индексов от оси, фиксирующей состояние паритета позитивных и негативных на-

строений, как раз и отражает наличие (отсутствие) этих самых «критических точек».

Линия демаркации между позитивными и негативными настроениями в обществе определена нами таким образом, что средние оценки дополняют собой «позитив». Такая «оптимистическая» трактовка средних показателей не случайна – они рассматриваются в данном случае как свидетельство «не плохого» состояния дел, определенного рода стабильности, пусть даже фиксирующей не самый высокий уровень социальных достижений.

На основании частных индексов, рассчитываемых по трем группам показателей, определяются три комплексных индекса: социального самочувствия населения, положения дел в стране и деятельности социальных институтов. Комплексные индексы рассчитываются как средние из частных индексов соответствующей группы показателей. Такой подход к расчету комплексных индексов представляется вполне оправданным, поскольку частные индексы по каждой из трех выделенных групп рассчитываются на основе вопросов с равновесными шкалами ответов. Исключение составляет показатель приспособленности к переменам с особой шкалой, который не включается нами в расчет комплексного индекса.

Индекс социальных настроений (ИСН) рассчитывается в Левада-Центре с начала 1990-х годов прошлого века. Этот метод анализа социальных процессов в обществе основан на интегральных оценках совокупности социальных, политических, экономических настроений, формирующихся в обществе. ИСН является обобщенным показателем динамики массовых настроений общества, дающим количественную оценку влияния массового сознания на развитие страны. ИСН строится на основе регулярных опросов общественного мнения в России. Эти исследования показывают, что в России существует тесная взаимосвязь политических, экономических, общественных оценок и мнений людей, которые складываются в единый вектор общественных настроений. ИСН показывает меру влияния субъективного фактора, отражающего

воздействие совокупности индивидуальных предпочтений и настроений отдельных людей на развитие общества в целом, на реальное политическое, экономическое поведение населения.

Важным преимуществом ИСН являются его прогностические возможности. Многолетний опыт измерений продемонстрировал, что изменения в настроениях людей за несколько месяцев указывают на возможные изменения в экономическом развитии страны. Направление и темпы изменения ИСН показывают, насколько благоприятна текущая общественная ситуация точки зрения дальнейшего развития страны. ИСН основан на данных опроса населения, поэтому его динамика напрямую зависит от того, как различные факты общественной жизни отражаются в массовом сознании, в том числе на вербальном уровне. Существенные изменения социально-экономической и политической ситуации в России за многолетний период наблюдения ИСН обозначили необходимость адаптации методики к меняющимся условиям. Накопленный опыт измерений ИСН позволил расширить спектр характеристик, учет которых важен для правильной оценки динамики общественного сознания.

Такая работа была начата пять лет назад и в настоящий момент созрела возможность для перехода на новую, усовершенствованную методику. Новая методика сохраняет основные принципы измерения ИСН, что обеспечивает преемственность измерений. Обновление методики включает следующие изменения. Усилена роль прогностической компоненты, связанной с оценкой ожиданий людей – расширено число вопросов об оценках различных сторон общественной и личной жизни людей. Непосредственно учитываются оценки уровня доверия населения к базовым властным институтам общества – разработан новый частный индекс оценок деятельности государственной власти. Заново пересмотрены и уточнены формулировки вопросов, на основе которых строится ИСН и составляющие его частные индексы.

Способы расчета сводного показателя остаются неизменными: все используемые для построения индекса вопросы наце-

лены на выделение положительных или отрицательных оценок (или направлений изменения этих оценок) с тем, чтобы сконцентрировать внимание на динамике показателя. По каждому вопросу строится индивидуальный индекс как разность долей положительных и отрицательных ответов, и прибавляется 100, чтобы избежать появления отрицательных значений индекса. Совокупный индекс ИСН рассчитывается как арифметическая средняя из индивидуальных индексов. Таким образом, ИСН изменяется в интервале от 0 до 200, причем значения индекса менее 100 означают преобладание отрицательных оценок.

Список вопросов, на основе которых рассчитывается ИСН, расширен до 12 вопросов, объединенных в четыре группы, образующие основу для расчета частных индексов ИСН. Важно еще раз напомнить, что ИСН – это инструмент текущего и краткосрочного прогнозного анализа (на несколько месяцев вперед), поэтому сопоставление с периодами прошлых лет не является столь существенным для эффективного использования ИСН для исследования динамики российского общества. Одновременно с переходом на новую методику расчета ИСН была изменена процедура сбора информации. Начиная с 2018 года, ИСН измеряется в ходе репрезентативных выборочных опросов взрослого (18+) городского и сельского населения России. Размер выборки – более 600 респондентов, опрос проводится в режиме интервью. Таким образом, в методике сбора информации произошли следующие изменения, отразившиеся на уровне (но не на направлении динамики) ИСН. Увеличение возрастного порога опрашиваемого населения с 16 до 18 лет приводит к незначительному (не более 2 пунктов) снижению уровня ИСН, поскольку в России наиболее оптимистично настроены люди молодых возрастов. Переход на режим интервью, снижающий вероятность несодержательного ответа на вопросы анкеты (ответа «затрудняюсь ответить»), привел к смещению оценок в сторону роста доли неблагоприятных ответов.

В сегодняшней российской действительности, в условиях высокой степени неопределенности общественной жизни, низкого

уровня доверия практически ко всем институтам общества баланс положительных и отрицательных оценок существенно зависит от возможности «ухода от содержательного ответа» во время интервью. Если респонденту одновременно с содержательными ответами предлагается возможность выбрать позицию «затрудняюсь ответить» (т.е. «уйти от ответа»), люди, склонные к отрицательным оценкам, пользуются такой возможностью чаще, чем те, кто придерживается положительного мнения. Поэтому переход на режим интервью, в рамках которого позиция «затрудняюсь ответить» не предъясняется респонденту в явном виде (но учитывается, если респондент сам ее выберет), приводит к росту уровня ИСН максимум на 8 пунктов. В целом переход на новую методику измерения ИСН сопровождается незначительным повышением уровня сводного индекса, однако направление изменений и темпы прироста остаются практически неизменными.

1. Ключевым источником информации о ситуации в регионе являются интервью с «ключевыми информантами» – населением и экспертами. Фокус-групповые дискуссии позволяют уточнить результаты, полученные в ходе интервью. Контент-анализ прессы и анализ статистической информации о ситуации в регионе позволяют получить дополнительную информацию о степени выраженности и проявлениях социальной напряженности в регионе и уточнить меры по предотвращению возникновения конфликтности и снижению уровня социальной напряженности в регионе.

Для всесторонней оценки уровня социальной напряженности в регионе и разработки перечня потенциально эффективных мер по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности в регионе нами были использованы все представленные методики. Именно они позволяют получить наиболее полную информацию о ситуации в регионе и спланировать необходимые вмешательства.

Целями полуструктурированного интервью с экспертами являются – уточнение понятия социальной напряженности и кон-

фликтности в обществе; оценка уровня социальной напряженности в регионе; формирование комплекса возможных мер по снижению уровня социальной напряженности в регионе. «Ключевыми информантами» по данной теме являются представители региональной, городской и муниципальной власти, крупных промышленных предприятий и бизнес-сообщества, политики, экономисты, представители науки и высшей школы, общественных движений, молодежных объединений и представители различных групп населения. Сначала опрашиваются информанты, известные лицам, проводящим исследование. Затем используется метод «снежного кома», когда каждого респондента просят порекомендовать известных ему экспертов, с которыми можно было бы провести интервью. Оптимальное количество экспертов – «ключевых информантов», с нашей точки зрения, – 40 человек.

Продолжительность проведения экспертного глубинного интервью составляет 1–1,5 часа. Бланк интервью содержит следующие блоки вопросов:

1. Общая информация о респонденте: фамилия, имя, отчество, пол, возраст респондента, название организации, в которой он работает, сфера деятельности организации, должность респондента, управленческое звено, сфера управления, отношение респондента к данному исследованию.
2. Уточнение определений основных понятий исследования: определение понятий «социальная напряженность» и «конфликтность в обществе», уточнение форм их проявления и причин, которые их вызывают.
3. Уровень социальной напряженности в регионе: оценка уровня социальной напряженности и конфликтности в регионе, описание причин нестабильности социальной ситуации в социуме и причин возникновения социальной напряженности и конфликтности в обществе.
4. Структура социальной напряженности и конфликтности в регионе: описание особенностей социальной напряженности, выявление сфер жизнедеятельности региона, групп насе-

ния и территорий региона, в которых отмечается социальная напряженность и конфликтность, описание причин и факторов, влияющих на уровень социальной напряженности и конфликтности в социуме.

5. Влияние экономического положения респондентов на уровень социальной напряженности: описание, в какой степени и как именно экономический кризис повлиял на жизнь населения региона, оценка влияния кризиса на различные сферы жизнедеятельности социальных групп населения.
6. Возможные меры по предотвращению возникновения и снижению существующего уровня социальной напряженности и конфликтности в регионе: описание мер, принятых органами власти для предотвращения возникновения и снижения уровня социальной напряженности и конфликтности в регионе, уточнение мер, которые необходимо предпринять в ближайшем будущем.
7. Роль СМИ в освещении проблем социальной напряженности и конфликтности в регионе: описание роли, которую должны играть СМИ при освещении социальной напряженности и связанных с ней проблем, выявление реальной стратегии СМИ по освещению ситуации в регионе.

Целями проведения фокус-групп являются – выявление тенденций, характеризующих социальную напряженность в регионе, особенности форм ее проявлений; выявление тенденций развития напряженности и конфликтности в социуме. Оптимальное количество участников на каждой фокус-группе составляет 8–10 человек. В фокус-группе могут принимать участие эксперты (в том числе представители региональной, городской и муниципальной власти, руководители промышленных предприятий и бизнес-структур, политики, экономисты, представители науки и высшей школы, общественных движений, молодежных объединений), а также представители различных групп населения. Продолжительность проведения фокус-группы составляет 2 часа. Процедура проведения фокус-группы

предполагает 4 шага: уточнение определения понятий социальной напряженности и конфликтности; выявление социальных групп населения и сфер жизни региона, на которые в наибольшей степени влияет социальная напряженность; оценка форм проявлений социальной напряженности и конфликтности; оценка основных тенденций развития социальной напряженности и конфликтности в регионе. Процедура проведения фокус-групп является гибкой и может корректироваться модератором с учетом стоящих перед исследователями задач. Стимульные материалы для фокус-групп разработаны на основании результатов интервью с «ключевыми информантами» по теме исследования (респондентами и экспертами). Также могут использоваться стимульные материалы, разработанные по результатам контент-анализа материалов региональных СМИ.

Фокус-группа записывается на диктофон, о чем участников предупреждают заранее. Далее информация расшифровывается и анализируется. Цель дискуссии в рамках проведения фокус-группы – формирование перечня потенциально эффективных мер по предотвращению роста и снижению социальной напряженности и конфликтности в регионе. Контент-анализ региональной прессы. Нами в качестве исследовательского инструментария используется карта контент-анализа печатных и электронных средств массовой информации. Для анализа выбираются, по меньшей мере, три издания: отражающее позицию власти, отражающее оппозиционную повестку печатные региональные СМИ и электронное региональное СМИ. Выборка номеров для контент-анализа – механическая пошаговая. Для анализа в каждом номере отбираются статьи, в которых применительно к региону упоминается, по крайней мере, одно проявление социальной напряженности или конфликтности социальных субъектов. Список возможных форм проявлений социальной напряженности и конфликтности в регионе может быть составлен на основании анализа результатов интервью с экспертами и фокус-групп с «ключевыми информантами» по данной теме. Характеристики каждой ста-

ть вносятся в отдельную карту (карта для контент-анализа статей по социальной напряженности, опубликованных в региональных СМИ, представлена в Приложении 4.). Карта контент-анализа материалов СМИ включается в себя несколько блоков:

1. Идентификационные характеристики текста (тип газеты, год, месяц, неделя и день недели, когда вышло печатное СМИ, например, газета).
2. Количественные характеристики текста.
3. Размещение текста статьи (заполняется только в случае анализа печатных СМИ).
4. Описание содержания анализируемой статьи.
5. Описываемые в статье социальные проблемы и проявления социальной напряженности.
6. Атрибуция ответственности – отмечается, кто, по мнению автора статьи, виновен в возникновении той или иной конфликтной ситуации или социальной проблемы.
7. Описание комплекса мер, которые, по мнению автора статьи, необходимо предпринять для решения проблемы.

Вся информация о статьях переносится из карт в базу данных, рассчитываются простые распределения. Далее осуществляется сбор статистической и фактологической информации по оценке общей социальной ситуации в регионе. Это включает в себя составление перечня и краткое описание статистических данных и показателей, позволяющих оценить общую ситуацию с социальной напряженностью и конфликтностью в регионе. Все показатели объединены в несколько основных групп:

1. Население региона: ожидаемая продолжительность жизни при рождении; коэффициенты смертности по причинам смерти; коэффициент младенческой смертности; общие коэффициенты рождаемости и смертности; коэффициент естественного прироста; общие коэффициенты брачности и разводимости; среднегодовая численность населения региона; число зарегистрированных в регионе преступлений; миграционный прирост (убыль) населения региона; коэффициент

интенсивности миграции; наличие и количество беженцев на территории региона; количество вынужденных переселенцев на территории региона; индекс развития человеческого потенциала у региона.

2. Уровень жизни населения: стоимость минимального набора продуктов питания; стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг; индекс номинального размера денежных доходов населения, начисленной заработной платы, назначенных месячных пенсий; реальные размеры денежных доходов населения, начисленной заработной платы, назначенных месячных пенсий; «коэффициент Джини» у данного региона; величина прожиточного минимума в регионе; численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; покупательная способность денежных доходов населения региона; количество безработных граждан в регионе; уровень безработицы, зарегистрированной в органах государственной службы занятости; просроченная задолженность по заработной плате; продолжительность безработицы (продолжительность поиска работы).
3. Образование: число государственных (муниципальных) и негосударственных общеобразовательных учреждений разного уровня; число государственных (муниципальных) и негосударственных образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования; число государственных (муниципальных) и негосударственных образовательных учреждений высшего профессионального образования; количество обучающихся и закончивших средние и высшие образовательные учреждения.
4. Здравоохранение: общая численность врачей; общая численность среднего медицинского персонала; обеспечение больничными койками; обеспечение амбулаторно-поликлиническими учреждениями.
5. Аддитивное и саморазрушающее поведение у различных групп населения: число больных с синдромом зависимости

от алкоголя (алкоголизм и алкогольные психозы); число больных с диагнозом «Употребление алкоголя с вредными последствиями»; число больных с впервые установленным диагнозом «Алкоголизм и алкогольные психозы»; число больных с впервые установленным диагнозом «Употребление алкоголя с вредными последствиями»; распространенность алкоголизма среди подростков в возрасте 15–17 лет; число подростков, злоупотребляющих алкоголем без признаков сформировавшегося алкоголизма; число женщин, злоупотребляющих алкоголем; число женщин, употребляющих алкоголь с вредными последствиями; заболеваемость наркологическими расстройствами; употребление населением конкретных наркотических веществ; обращаемость граждан за наркологической помощью.

6. Дополнительные показатели и индикаторы уровня социальной напряженности: степень забастовочного движения; уровень митинговой активности; уровень протестного голосования; индекс этнической мозаичности; другие показатели, важные для определения уровня напряженности и конфликтности в регионе (вносятся самими исследователями).

Необходимо учитывать «базовый» уровень данных показателей в регионе и отслеживать их изменения при возникновении ситуаций, которые могут спровоцировать социальную напряженность и конфликтность в социуме, а также после реализации на уровне региона комплекса мер по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности в обществе.

Статистические данные по названным показателям доступны в органах государственной статистики, профильных комитетах по территориям краев и областей (республик) РФ и на сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации <http://www.gks.ru>.

Предлагаемая методика «Карта территориальных особенностей социальной напряженности и конфликтности в регионе» (далее – Карта напряженности и конфликтности региона) является одним из инструментов оперативного анализа и управле-

ния в руках регионального руководителя для контроля и определения комплекса необходимых мер по оптимизации возможных негативных проявлений конфликтности основных категорий населения.

Методика картографирования напряженности и конфликтности в региональном социуме включает в себя:

- перечень характеристик социальной напряженности и конфликтности, а также перечень индикаторов, характеризующих их на определенном уровне;
- схему форм и уровней социальной напряженности и конфликтности в виде таблиц и графиков, их иллюстрирующих;
- карту территориальных характеристик социальной напряженности и конфликтности в регионе (в целях наглядности) и комментариев по ее объяснению;
- рекомендации по использованию данной карты в практической деятельности региональными властями.

Методика предусматривает использование комбинации всех доступных руководителями данных, характеризующих описанные ниже параметры проявления социальной напряженности и конфликтности. Эти данные могут быть получены путем использования официальных источников государственной статистики, результатов научных исследований, экспертных оценок, а также с применением названных выше социологических методик изучения напряженности и конфликтности в регионе. Методика предоставлять возможность ее модификации в целях удобства использования в соответствии с особенностями доступности информации, накопленными знаниями о ситуации в регионе, задачами использования и осмысления самой проблемы социальной напряженности в условиях современной России. Ограничением является тенденциозность получаемых с ее помощью оценок, отсутствие возможности сравнений с данными других территорий регионов РФ. Последнее, однако, не предусматривается изначально, т.к. исходя из результатов проведенного нами исследования, можно уверенно говорить о том, что существуют значительные различия фо-

новых (базовых) уровней социальной напряженности в различных регионах РФ в зависимости от особенностей их социально-экономического, социально-политического и социально-культурного развития, т.о. сравнение оценочных данных не может отражать реальные различия в рисках явных проявлений социальной напряженности и конфликтности в региональных социумах.

Модель измерений социальной напряженности, позволяющих охарактеризовать потенциал аккумулированной в ней социальной «энергии» и предложить основания для построения возможных вариантов ее актуализации в поведении населения территорий. Социальная напряженность и конфликтность в локальном социуме может носить очаговый характер. По мере возрастания интенсивности количество очагов имеет тенденцию к увеличению, что делает социальную напряженность более концентрированной. Для ее оценки учитывается (в %) «тревожное, барьерное» снижение значения показателей качества жизни населения на основе экспертных оценок и самооценок респондентов. Перечни таких показателей представлены в программах социально-экономического развития. Среди них: удовлетворенность качеством жизни и отдельными ее характеристиками (ключевой показатель, может быть использован как основной), показатели дохода на человека в семье, занятости, здоровья, миграции, криминальная статистика и пр.

Значимость изменений таких показателей по сравнению с условно приемлемыми (либо базовыми на момент начала мониторинговых исследований) будет указывать на тенденции к повышению концентрированности социальной напряженности. Для этого необходимо принять решение о «целевых группах» (в данном случае понимаются приоритетные для данного региона социальные группы или социальные агрегаты) и показателях, изменение которых значимо с точки зрения понимания распространенности негативных тенденций среди их представителей. Рекомендуется подготовить такой перечень с использованием официальных статистических данных, имеющихся в регионе

опросных данных, другой доступной статистической информации. «Барьерные» значения каждого из показателей будут вносить вклад в общую оценку индекса социальной напряженности и конфликтности в зависимости от их значимости с позиций трактовки «стабильной» ситуации в региональном социуме.

Количество форм проявлений социальной напряженности (распространенность и ее репертуар) на разных территориях региона может варьироваться в зависимости от сложившихся социо-культурных и иных особенностей жизни людей, их социальной и экономической активности. Индекс будет показывать в % степень распространенности проявлений социальной напряженности среди жителей территории и/или представителей конкретных социальных групп. Для выравнивания оценок предлагается сравнивать с базовыми значениями того же индекса (среднее за временной период, скажем за последние 5 лет, либо за год до начала рассматриваемых социальных изменений, например, экономического кризиса). При этом важно отметить, что для территорий региона, в состав которых входит несколько крупных населенных пунктов, либо в случае изучения нами одновременно нескольких социальных групп, проживающих на территории региона, предлагается в качестве индекса использовать их среднее значение. Суммируются значения распространенности (%) проявлений социальной напряженности и конфликтности для каждой территории региона и каждой социальной группы, полученное число делится на их количество. Таким образом, чем выше их распространенность – тем выше значение напряженности и конфликтности в регионе. Однако, такой способ расчета может нивелировать значимость локальных «очагов» социальной напряженности и конфликтности в регионе – отдельных территорий края и под «территорией» в данном случае понимается любые единицы территориально деления, например, такие как муниципальный округ, район, город, регион, федеральный округ, а под «социальной группой» в данном случае понимается любая группа или общность, ре-

ально существующие на данной территории. Для определения «очагов» напряженности и конфликтности можно использовать данные официальной статистики: просроченная задолженность предприятий по заработной плате по видам экономической деятельности (кол-во предприятий), общее количество предприятий и организаций в регионе (по видам экономической деятельности), количество членов различных групп – студентов, работников отраслевых предприятий, пенсионеров и т.д.

Низкая распространенность проявлений социальной напряженности и конфликтности в конкретной социальной группе (либо социальной общности), четко ограниченной территории (городе, округе, регионе). Существует либо в сочетании – территория и группа, либо по отдельности. Характеризует относительно невысокую распространенность и территориальную разбросанность регистрируемых проявлений социальной напряженности, отсутствие либо крайнюю ограниченность непосредственных взаимодействий людей, их демонстрирующих. Возможный способ вычисления индекса – низкое значение индекса «концентрированность». Допускает наличие редких «очаговых» проявлений.

Предлагается оценивать напряженность и конфликтность в %. Немного другим способом. Для определения значения индекса может стать мера согласованности оценок неудовлетворенности среди представителей социальных групп/территорий (при использовании одинаковых шкал измерений и их репрезентативности). Деструктивные проявления недовольства способствуют эскалации социальной напряженности, наносят вред и обладают разрушительным для человека, общественного порядка и развития потенциалом. На индивидуальном уровне (внутренняя направленность проявлений недовольства на территориях) могут выражаться в саморазрушительном девиантном поведении. На уровне групп и организаций может проявляться в самых разных формах (включая митинги, акции и пр.), при этом важную роль для оценивания таких проявлений будет играть нали-

чие и суть целеполагания, соответствие выбранных форм проявления недовольства заявленным целям и интересам людей, наличия других экономичных и конструктивных возможностей решения соответствующих вопросов.

Снижение значений (критически низкие значения) показателей конструктивных проявлений, формирование негативно (агрессивно) настроенных групп людей без определенных либо конструктивных программ действий по урегулированию проблем и устранению причин недовольства, формирование общественных движений и организаций, представляющих угрозу здоровью и благополучию граждан, подрывающих деятельность социальных организаций и структур. Рост наркопотребления, алкопотребления, суицидального поведения, преступности (разбои, кражи, и т.п.). Индекс указывает на наличие значимых тенденций в динамике проявлений недовольства соотносимых с конкретными аспектами жизни определенных социальных групп либо населения в целом. Обобщает показатели масштаба, частоты и временную продолжительность. Суммирование количества проявлений соотносимых с данным индексом за рассматриваемый период времени в сравнении с предыдущим (базовым либо любым эталонным). Предлагается измерять в % либо присваивать вес каждого из компонентов индекса для его оценки с использованием условных шкал (стенов).

Предложенные способы измерения уровня социальной напряженности и конфликтности в региональных социумах, безусловно, не исчерпывают возможности оценки их уровня и динамики. На наш взгляд предложенный методический подход позволяет наглядно отобразить наиболее характерные для актуальной социальной ситуации в конкретном регионе «профиль» и проследивать динамику выраженности значений полюсов во времени. Для этого предлагается обозначать разными цветами оценочные значения характеристик социальной напряженности и конфликтности за разные годы по одной и той же контурной схеме. Представленные выше измерения могут быть дополне-

ны и откорректированы в зависимости от степени осмысления и задач применения методики в работе региональных властей. Рекомендуются выбирать способ расчета индексов в %, поскольку это позволяет обеспечить удобство сопоставления оценок, полученных разными способами в различные временные периоды. Для определения конкретных полярных значений каждому из предложенных измерений социальной напряженности предлагается их операционализировать с использованием широко применяемых в системе государственной статистики показателей условий и уровня жизни в регионах, а также ряд дополнительных, полученных посредством проведения социально-психологических, экономических и прочих исследований. Значение измерений социальной напряженности определяется методом экспертных оценок на основе тенденциозного обобщения доступных характеризующих их данных. Выбор метода экспертных оценок, помимо экономичности, здесь обусловлен значительными вариациями базовых значений показателей условий и уровня жизни и удовлетворенности ею в разных регионах. Таким образом, в настоящий момент конструирование каких-либо измерительных инструментов, чувствительных к динамике социальной напряженности, в частности, в латентных ее проявлениях, и не только, осложнено недостаточностью накопленных данных по проблеме с учетом региональной специфичности.

Схема основных характеристик и показателей (измерений) социальной напряженности позволяет предположить возможность построения описаний наиболее ярко выраженных вариантов ее комплексных проявлений – форм социальной напряженности. Можно также предположить возможность перетекания одного вида напряженности в другой в зависимости от изменения контекста, течения времени, либо возникновения каких-либо значимых изменений (вмешательств как со стороны государства, так и других участников общественной жизни, например, реформ, преобразований, акций и пр.) в сферах жизнедеятельности населения рассматриваемой территории региона.

В исследовании ниже мы рассмотрим основные формы проявления социальной напряженности и конфликтности в региональном социуме, которые часто носят довольно диффузный характер и проследим возможности их перерастания в неконструктивные и неконвенциональные формы по мере активного нарастания их интенсивности. Для описания такой ситуации предположим, что степень интенсивности проявлений форм напряженности и конфликтности будет тем выше, чем ярче их проявления в осевых измерениях: «конструктивности-деструктивности», «латентности-очевидности». Далее рассмотрим возможные вариации взаимосвязанных проявлений социальной напряженности и конфликтности в внешней и внутренней направленности их развития по мере нарастания их интенсивности и их количественных значений.

Обсуждение причин и природы взаимосвязанности отдельных форм проявлений социальной напряженности и конфликтности в социуме не входит в задачи данного пособия, поскольку является предметом отдельных научно-прикладных исследований социологов. Эти формы проявления социальной напряженности и конфликтности (а иногда и целые сценарии форм их проявлений) могут быть кратко описаны с использованием предложенных методик социологических измерений.

Раздел 3. Причины и факторы возникновения социальных конфликтов и напряженности в социуме

Попытки обобщения результатов исследований, относящихся к проблематике напряженности и конфликтности в обществе, позволил выделить некоторые особенности ее возникновения и развития:

- значительная часть людей (большие социальные группы) не могут далее реализовывать свои значимые интересы и испытывают настроения неудовлетворенности, страха, пессимизма и т.д.
- в результате неудовлетворенности сложившейся ситуацией, данные социальные группы считают их права ущемленными и нарушенными.
- данные группы людей осознают, что удовлетворение их базовых потребностей блокируется.

Социальная напряженность и конфликтность обусловлена противоречиями в ценностных ориентациях и социальных установках индивидов, разрывом между ожидаемым и реальным, беспокойством о завтрашнем дне. Порождаясь противоречиями в социальной системе, социальная напряженность и конфликтность формируются и развиваются под воздействием многочисленных причин и факторов, обусловленных комплексом экономических, политических, культурных и иных процессов, прямо или косвенно затрагивающих интересы различных социальных групп.

Можно выделить внутренние и внешние факторы, формирующие социальную напряженность и конфликтность в современном обществе.

Внешние факторы:

- неэффективная работа местных органов власти;
- недоверие действующим политическим лидерам и власти;
- сложная экономическая ситуация в регионе;

-
- проблемы в области межнациональных отношений;
 - систематические нарушения социальной справедливости;
 - высокий уровень безработицы в регионе;
 - ухудшение экологической обстановки;
 - острые жилищные проблемы у населения региона;
 - демографическая ситуация в регионе и др.

Внутренние факторы:

- негативное эмоциональное настроение;
- высокий уровень тревожности;
- ухудшающееся состояние здоровья;
- межличностные конфликты с ближайшим окружением;
- плохой морально-психологический климат в коллективе организации и пр.

Исследования показывают, что появление социальной напряженности в социуме, ее превращение в ситуацию конфликтности определяется рядом факторов. Это такие факторы, как нищета среди населения, безработица, наркомания, алкоголизм, проблемы ЖКХ. При анализе социальной напряженности и конфликтности в функционировании социальных систем, важное место отводится понятию «стабильность». Стабильность социальной системы, являющаяся основной ее функциональной характеристикой, определяется взаимодействием различных социальных субъектов (индивидами, группами). Важнейшим компонентом социального взаимодействия субъектов является предсказуемость взаимных ожиданий или, иначе говоря, взаимопонимание между социальными субъектами (индивидами, группами). Если последние преследуют взаимоисключающие цели или интересы, то результаты такого взаимодействия могут привести к росту напряженности и конфликтности, вызванной неудовлетворенностью потребностей, ожиданий и предпочтений индивидов, объединенных в социальные группы. Каждая социальная группа обладает своими предпочтениями, переходящие в определенные ожидания, а, следовательно, интересы и потребности, которые она готова отстаивать. Чем больше

расхождение между потребностями индивидов и уровнем их удовлетворенности, тем выше социальная напряженность в социальной системе. В свою очередь, рост уровня напряженности и конфликтности ведет к дестабилизации социальной системы.

Социальная напряженность является отражением состояния социальной системы, будучи детерминированной неудовлетворенностью потребностей, входящих в нее индивидов. Выявление этой характеристики социальной системы выводит исследователя на уровень анализа динамики социальных изменений в рамках всей общественной системы. Такое положение опирается на принципы теории депривации, согласно которой усиление неудовлетворенности (то есть субъективно-оцениваемого индивидом разрыва между актуальным и желаемым жизненным положением) сопровождается ростом готовности к действиям, в том числе и деструктивным, способствующим достижению цели, что повышает вероятность нарушения сбалансированности социальной системы. В этой ситуации рост социальной напряженности подразумевает подготовку, вызревание таких действий для снятия неудовлетворенности, которые не свойственны данной социальной системе в качестве нормы. То есть, качественное своеобразие социальной напряженности придает сопровождающая социальную неудовлетворенность поведенческая установка на протестные действия, направленные на нейтрализацию источников напряжения, вплоть до открытых социальных и вооруженных конфликтов.

Каждый регион имеет собственно региональное развитие, эндогенное, свойственное именно данному субъекту как в достаточной степени уникальной социально-экономической и общественно-политической пространственной системе. Особенности в развитии регионов связаны с наличием отраслей специализации, эксплуатирующих особенности природного, экономико-географического характера данной территории.

Предлагается выделять следующие критерии регионализации единого социального пространства:

1. Природно-экологические условия региона. В первую очередь, это географическое положение, природно-ресурсный потенциал и экологические проблемы региона. Несомненно, значение также имеет фактор ресурсообеспеченности региона (сырьевой фактор).
2. Социально-экономическая ситуация в регионе – совокупность территориальных социально-экономических отношений субъектов, важных для экономического развития региона.
3. Пространственная организация и уровень развития народного хозяйства в регионе (степень изношенности основных фондов по ведущим в регионе отраслям народного хозяйства; коэффициент выбытия и коэффициент ввода оборудования в отраслях региона; степень автоматизации и информатизации производства предприятий; образовательный уровень рабочей силы, ее возрастной состав и т.п.).
4. Хозяйственная специализация региона. Ее уровень характеризуют:
 - доля предприятий, ориентирующихся на производство продукции;
 - доля производств, работающих на внешний рынок;
 - ввозной и вывозной баланс региона;
 - структура потребностей региона во ввозимой продукции.
5. Степень самодостаточности региона, его способности развиваться за счет эндогенных факторов.
6. Инфраструктурная обеспеченность региона (динамика числа юридических и физических лиц; уровень зарплаты работников, занятых в инфраструктурных отраслях; доля расходов на содержание объектов инфраструктуры в общей сумме расходов).
7. Межэтническая и социальная ситуация в регионе (наличие разнонаправленных этнических интересов национальных групп населения, численность и уровень поддержки населением оппозиционных общественных организаций, валовой региональный продукт на душу населения, уровень капитальных вложений, уровень жизни населения, показатели теневой

экономики, состояние социальной сферы уровень безработицы и др.).

8. Демографическая ситуация в регионе (рождаемость и динамика прироста населения, соотношение городского и сельского населения, оседлость, средний размер семьи и домовладения, средний возраст населения).
9. Социально-политическая активность населения региона (электоральная активность и ориентации, численность общественных организаций и их членов, протестная активность, состояние общественного мнения).
10. Криминогенная обстановка в регионе (индекс криминального фона, число террористических актов, оценочная численность экстремистских организованных формирований и т.п.).

Регион это целостное экономико-территориальное образование и, в то же время, инерционное, административно-хозяйственное объединение. Регион состоит из более мелких социально-экономических подсистем, к которым относятся муниципальные образования (города, районы, поселки и т.п.), местные сообщества, самостоятельные хозяйствующие субъекты, представляющие собой своеобразный «живой организм» региона. Регион как система оказывает воздействие на социальную напряженность и конфликтность в обществе. Задачей управления является контроль динамики социальной напряженности и конфликтности в регионе с той целью, чтобы она благоприятствовала социальным изменениям через преобразования, без глубокой дезорганизации всей социальной системы. В силу региональных особенностей вытекает предположение о том, что формирование напряженности в обществе и тенденции их развития в разных регионах неодинаковы.

Рассматривая общие причины и факторы возникновения конфликтности населения региона, причины и факторы, формирующие социальную напряженность в регионе, отметить, они в разных регионах неодинаковы. И даже в случае совпадения отдельных причин и факторов показатель их влияния на напря-

женность и конфликтность в региональном социуме будет разным. Это объясняется тем, что степень значимости факторов для населения и уровень удовлетворенности ими в разных регионах в один и тот же временной период оказываются разными в силу особенностей их состояния и развития. В связи с этим, проверить влияние факторов, определяющих социальную напряженность и конфликтность в разных регионах, и степень их влияния (в определенный период развития региона) достаточно сложно.

Рассмотрев причины возникновения социальной напряженности и конфликтности в региональном социуме, перейдем к анализу стадий их развития и основных форм проявления. С нашей точки зрения, конфликтность – стадия социальной напряженности в обществе. Полностью социальная напряженность исчезает тогда, когда основная масса конфликтов в обществе будет исчерпана. Разрешение отдельных социальных конфликтов, пусть и очень серьезных, не означает полного снятия социальной напряженности в обществе. Это лишь способствует снижению ее уровня до «фонового», то есть такого, когда большинство членов общества признают справедливость вновь установившегося социального порядка. Ошибочно рассматривать социальную напряженность в обществе как «фон» по отношению к конфликтности. Социальная напряженность имеет явные формы проявления в виде самых разнообразных социальных процессов (миграция, безработица, акции протеста), тогда как конфликтность проявляется только в форме социальных конфликтов.

Изучение механизмов возникновения и развития социальной напряженности, форм ее проявления во взаимосвязи с феноменом конфликтности, позволило авторам выделить следующие стадии, уровни и соответствующие им характеристики развития социальной напряженности и конфликтности в обществе:

1. Латентная стадия социальной напряженности (фоновый уровень напряженности), характеризующаяся относительной сбалансированностью социальной ситуации в обществе, а также соответствия ожиданий и реальности в представле-

ниях большинства социальных субъектов. Фомы проявления социальной напряженности в латентной стадии носят «скрытый» характер. При опросе респондентов это выражается в положительной или нейтральной оценке сложившейся в социуме ситуации, условий их жизнедеятельности. Однако это не означает полного отсутствия в обществе недовольных, социальных проблем и конфликтов. Конфликты могут находиться в латентной стадии своего развития, но их существование и необходимость диагностики развития событий в социуме являются не менее актуальными, чем на любой другой стадии социальной напряженности.

2. Начальная стадия социальной напряженности (повышенный уровень напряженности), для которой свойственно появление в обществе несоответствия между предпочтениями, ожиданиями, потребностями и реальным уровнем жизни членов социума. Общественное сознание оценивает сложившуюся в обществе ситуацию как сложную и неоднозначную, что вызывает определенное недовольство некоторых социальных субъектов. Формы проявления социальной напряженности на этой стадии – возрастает недовольство населения региона ситуацией, появляется осознание им потенциальных угроз важным интересам и потребностям, растет недоверие властям, появляются признаки готовности протестовать против негативных явлений в обществе. На этой стадии уже возможно проведение мирных санкционированных властями пикетов, митингов, демонстраций различными социальными группами населения с выдвиганием конкретных требований, возникновение зон нестабильности в социальной системе.
3. Пиковая стадия социальной напряженности (высокий уровень напряженности), характеризуется ростом неудовлетворенности сложившимся социально-экономическим и общественно-политическим положением, осознанием ситуации, реально угрожающей интересам социального субъекта. Формы проявления социальной напряженности на данной

стадии – доминирует представление о ненормальности существующей в обществе обстановки, формирование «образа врага», проведение многочисленных акций протеста, санкционированных (в отдельных случаях и не санкционированных) митингов, забастовок, голодовок и т.п.

4. Стадия конфликтности социальных субъектов (критический уровень социальной напряженности). Характеризуется осознанием большинством социальных субъектов (слоев, больших социальных групп, национальных общностей и т.п.) кардинального несоответствия сложившейся в обществе ситуации их ценностям и интересам, появлением готовности устранить данное несоответствие путем социального конфликта. Формы проявления социальной напряженности на этой стадии – предпринимаются целенаправленные действия в виде не санкционированных митингов, забастовок, блокировок, не всегда имеющих мирный характер и ведущих к беспорядкам и нестабильности в социуме. Возможны, многочисленные и массовые столкновения отдельных личностей. В случае превышения критического уровня социальной напряженности регулятивные механизмы социальной системы не могут справиться с задачей поддержания сложившегося баланса отношений между социальными субъектами, что приводит к трансформации всего общества. При этом социальные субъекты, которые выбрали в качестве средства разрешения противоречий социальный конфликт, становятся инициаторами данных трансформаций. Достигшая такого уровня социальная напряженность имеет деструктивные функции, так как формы ее проявления ведут к социальным беспорядкам и нестабильности в обществе, возникновению угроз безопасности, здоровью и жизни людей.

Определенный уровень социальной напряженности оказывается необходимым для изменения социальной системы. С этой точки зрения социальная напряженность в определенных параметрах есть не что иное, как тонус для общества. Поэтому, социальную напряженность не следует рассматривать

только как однозначно негативное явление общественной жизни. В случае изменения социальной ситуации, возможно снижение социальной напряженности до «фонового» уровня, минуя стадию конфликтности. «Фоновый» уровень напряженности призван стимулировать социальные группы к изменениям в качестве их жизни. Следовательно, задача специалистов должна состоять не в ликвидации социальной напряженности, а в управлении ее проявлениями, в которых она будет работать на конструктивные изменения социальной системы, выражающиеся в социальной активности субъектов в направлении поиска конструктивного выхода из кризисной ситуации. Следует отметить, что социальная напряженность рассмотрена нами как особый социальный феномен, присущий социальным системам, имеющий свою динамику развития, уровень которого изменится под влиянием множества факторов.

Расчет границ «фонового» уровня социальной напряженности и конфликтности в регионе. «Фоновый» уровень социальной напряженности и конфликтности в регионе соответствует латентной стадии их развития, относительной сбалансированностью социальной ситуации в обществе, а также соответствия ожиданий и реальности в представлениях большинства социальных субъектов. Формы проявления социальной напряженности в латентной стадии носят «скрытый» характер. Это состояние выражается в положительной или нейтральной оценке сложившейся в социуме ситуации.

Расчет границ «повышенного» уровня социальной напряженности и конфликтности. Для него свойственно появление в обществе несоответствия между предпочтениями, ожиданиями, потребностями и реальным уровнем жизни членов социума. Общественное сознание оценивает сложившуюся в обществе ситуацию как сложную и неоднозначную, что вызывает определенное недовольство некоторых социальных субъектов. Формы проявления социальной напряженности на этой стадии – возрастает недовольство населения региона ситуацией, появляется

осознание им потенциальных угроз важным интересам и потребностям, растет недоверие властям, появляются признаки готовности протестовать против негативных явлений в обществе. На этой стадии уже возможно проведение мирных санкционированных властями пикетов, митингов, демонстраций различными социальными группами населения с выдвижением конкретных требований, возникновение зон нестабильности в социальной системе.

Расчет границ «высокого» уровня социальной напряженности и конфликтности. Этот уровень характеризуется ростом неудовлетворенности сложившимся социально-экономическим и общественно-политическим положением, осознанием ситуации, реально угрожающей интересам социального субъекта. Формы проявления социальной напряженности на данной стадии – доминирует представление о ненормальности существующей в обществе обстановки, формирование «образа врага», проведение многочисленных акций протеста, санкционированных (в отдельных случаях и не санкционированных) митингов, забастовок, голодовок и т.п.

Расчет границ «критического» уровня социальной напряженности и конфликтности. Критический» уровень характеризуется осознанием большинством социальных субъектов (слоев, больших социальных групп, национальных общностей и т.п.) кардинального несоответствия сложившейся в обществе ситуации их ценностям и интересам, появлением готовности устранить данное несоответствие путем социального конфликта. Формы проявления социальной напряженности на этой стадии – предпринимаются целенаправленные действия в виде не санкционированных митингов, забастовок, блокировок, не всегда имеющих мирный характер и ведущих к беспорядкам и нестабильности в социуме. Возможны, многочисленные и массовые столкновения отдельных личностей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Юрист, 1993. – 39 с.
2. Аванесова, Г.А. Социокультурное развитие российских регионов / Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева. – М.: ИС РАН, 2017. – 424 с.
3. Авдеев, Н.Ф. Социальное направление дипломатии в контексте снижения социальной напряженности / Н.Ф. Авдеева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2 (46). – С. 6–8.
4. Андреев, А.Л. Ментальность россиян и проблемы социального неравенства / А.Л. Андреев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – 2. – С. 67–73.
5. Асадов, А.Н. Методологические возможности применения социометрии для измерения конфликтности в коллективе / А.Н. Асадов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 2 (116). – С. 131–133.
6. Асанбаев, М. Потенциал религиозной конфликтности / М. Асанбаев // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 7. – С. 58–75.
7. Баженова, Е.А. Характеристика социальной напряженности с помощью информационной системы / Е.А. Баженова // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2018. – № 4. – С. 59–63.
8. Баранова, Г.В. Формирование социальной напряженности в регионах Российской Федерации. Методика анализа и прогнозирования социальной напряженности / Г.В. Баранова, Е.И. Алехин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2–2. – С. 149–154.
9. Баранова, Г.В. Разработка методики оценки уровня протестного потенциала населения в регионах РФ / Г.В. Баранова,

-
- В.А. Фролов, А.В. Кондрашин // Разработка методик и программных средств анализа и прогнозирования протестного потенциала населения в регионах Российской Федерации. – Орел: НИЦ ФСО России, 2019.
10. Бараночников, В.А. Изучение особенностей социальной напряженности в условиях трансформации социальной структуры общества / В.А. Бараночников // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2012. – № 4. – С. 199–203.
 11. Барская, О.Л. Социальное самочувствие в дестабилизированной ситуации / О.Л. Барская // Образ жизни и состояние массового сознания. – М.: ИС РАН, 2012. – С. 78–89.
 12. Бафанов, А.П. Социальное самочувствие рабочих как критерий уровня социальной напряженности / А.П. Бафанов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2013. – № 2 (30). – С. 7–12.
 13. Башарина, А.В. Основные направления повышения эффективности управления социальной напряженностью / А.В. Башарина // Социология образования. – 2007. – № 10. – С. 16–26.
 14. Башкин, М.В. Связь внутриличностной конфликтности с типами реагирования на межличностный конфликт / М.В. Башкин, К.А. Шавалева // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (47). – С. 101–104.
 15. Белкина, Т.Д. Диагностика городской конфликтности / Т.Д. Белкина // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 2. – С. 77–89.
 16. Белов, В.П., Грызлов И.Н. Информационная технология оценки социальной напряженности в регионах России / В.П. Белов, И.Н. Грызлов // Информационные системы и технологии. – 2010. – № 1 (57). – С. 50–57.
 17. Беляева, Л.А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России / Л.А. Беляева // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 51–64.
 18. Беляева, С.А. Ландшафты и потенциал эколого-экономической конфликтности / С.А. Беляева, В.И. Стурман // Вестник

- Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. – 2006. – № 11. – С. 15–28.
19. Бестужев-Лада, И.Б. Прогнозирование в социологических исследованиях / И.Б. Бестужев-Лада. – М., Мысль, 1978. – 272 с.
 20. Бобровский, О.В. Влияние трансформации социальной структуры на уровень социальной напряженности в современном российском обществе / О.В. Бобровский // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 11. – С. 16–19.
 21. Богданова, Л.П. Структура городского сообщества как основа формирования территориального сознания / Л.П. Богданова, А.С. Щукина // Социологические исследования. – 2006. – № 7. – С. 133–136.
 22. Божович, Е.Д. Вероятностный характер связи между внутри- и межличностной конфликтностью подростков / Е.Д. Божович // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 2. – С. 5–15.
 23. Бойко, В.Ю. Социальная стабильность – это отсутствие социальной напряженности? / В.Ю. Бойко // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2018. – № 9 (354). – С. 38–45.
 24. Бойков, В.Э. Социально-политический фон самоидентификации Российского населения / В.Э. Бойков // Социология власти – 2007. – № 2. – С. 35–39.
 25. Бондаренко, А.Ф. Социально-психологическая напряжённость на предприятии: к проблеме измерения / А.Ф. Бондаренко // Психологический журнал. – 2013. – Т. 14. – № 3. – С. 103–110.
 26. Браткова, В.А. Коррекция уровня конфликтности студентов вуза / В.А. Браковская, Л.И. Демидова // Вестник современных исследований. – 2018. – № 12.1 (27). – С. 31–33.
 27. Буянова, М.Э. Оценка региональных рисков / М.Э. Буянова // Регионология. – 2016. – № 3. – С. 34–38.
 28. Быковский, В.А. Социальная напряженность на муниципальном уровне / В.А. Быковский // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 22.

29. Вавилина, Н.Д. Новые возможности регионального развития: от социальной напряженности к социальному сотрудничеству / Н.Д. Вавилина // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 2 (90). – С. 102–120.
30. Валиуллина, Е.В. Роль конфликтности личности в формировании потребности в достижении успеха / Е.В. Валиуллина // NovaUm.Ru. – 2019. – № 17. – С. 452–455.
31. Вахин, А.А. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // А.А. Вахин, А.Л. Журавлев // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 101–108.
32. Вербова, О.В. Развитие института медиации как инструмента снижения конфликтности и повышения правовой культуры в обществе / О.В. Вербова // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития. XVIII Международные Лихачевские научные чтения. – СПб, 2018. – С. 484–485.
33. Викулова, С.К. Социологические концепции социального взаимодействия: проблема определения социальной напряженности / С.К. Викулов // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 4.
34. Витковская, М.И. Методические принципы изучения социальной напряженности (обоснование подбора методик) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2010. № 3. С. 41–52.
35. Волков, Д. Кризис в общественном мнении Россиян: угроза стабильности / Д. Волков // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 1. – С. 21–27.
36. Волинчук, А.Б. Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности / А.Б. Волинчук, С.А. Соловченков // Территория новых возможностей. – 2013. – №1 (19). – С. 25–36.
37. Воробьев, С.М. Политическая активность населения: некоторые тенденции и возможные формы проявления / С.М. Воробьев, А.Е. Головашев, А.М. Ерохин // Университетская наука – региону. – Ставрополь, СГУ, 2007. – С. 107–113.

38. Воробьев, С.М. Социально-политические риски: некоторые теоретико-методологические подходы / С.М. Воробьев. – Ставрополь, СГУ, 2006. – 120 с.
39. Воспитанник, И.В. Психологические детерминанты подростковой конфликтности как фактор их успешной социализации / И.В. Воспитанник // Воспитание в современной образовательной среде. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Науч. ред. И.В. Васютенкова. – СПб, 2017. – С. 18–26.
40. Галкин, А.А. Социальная напряженность в условиях переходного периода / А.А. Галкин // Социальные конфликты в меняющемся российском обществе. Вып. 3 / под ред. А.И. Волкова. – М.: ИС РАН, 2014. – С. 56.
41. Георгиевский, Э.В. К вопросу о характере и степени конфликтности в первобытном стаде / Э.В. Георгиевский // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 50–54.
42. Герасимов, А.В. Проблема поликультурной и/или мультикультурной идентификации в контексте парадигмы социокультурной конфликтности глобальной системы высшего образования / А.В. Герасимов // Молодёжь в современном обществе: к социальному единству, культуре и миру. Материалы международного форума. – Ставрополь, 2017. – С. 171–178.
43. Гишкаева, Л.Л. Ключевые параметры социальной политики как факторы снижения социальной напряженности в депрессивных регионах / Л.Л. Гишкаева // Известия высших учебных заведений. – Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2011. – № 2 – (162). – С. 60–64.
44. Гмошинский, В.Г. Инженерное прогнозирование / В.Г. Гмошинский. – М.: Энергоиздат, 1982. – 208 с.
45. Голиков, С.В. Проблема конфликтности потребления духовных ценностей / С.В. Голиков // Менеджмент и маркетинг в различных сферах деятельности: сборник научных трудов. – Уфа, 2018. – С. 78–81.
46. Голованов, А.В. Особенности, индикаторы и мониторинг со-

-
- циальной напряженности общества переходного периода в регионе / А.В. Голованов // Регионоведение. – 2008. – № 3 (64). – С. 191–196.
47. Головаха, Е.И. Измерение социального самочувствия / Е.И. Головаха, Н.В. Панина, А.П. Горбачик // Социология. – 1998. – № 10. – С. 48–51.
48. Грацианова, Т.Л. Политизация массового сознания как фактор социальной напряженности / Т.Л. Грацианова // Духовная жизнь общества: состояние и проблемы управления. – М.: Логос, 2012. – С. 48–64.
49. Гринько, В.В. Оценка социально-политической напряженности в эмпирических социологических исследованиях / В.В. Гринько // Социология власти. – 2006. – № 2. – С. 150–153.
50. Грошев, И.В. Гендерные особенности конфликтности на предприятиях и в организациях / И.В. Грошев // Социологические исследования. – 2007. – № 6 (278). – С. 122–130.
51. Грязнова, Е.В. К вопросу о роли глобального управления в условиях роста социальной конфликтности / Е.В. Грязнова, С.В. Афанасьева // Конфликтология / Nota bene. – 2018. – № 4. – С. 26–31.
52. Губина, Н.В. Социальная напряженность в трудовом коллективе / Н.В. Губина // Социологические исследования. – 2018. – № 11. – С. 17–25.
53. Гудков, Л. Социальная напряженность в регионах / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 5. – С. 39–44.
54. Давыдов, А.А. Измерение социальной напряженности / А.А. Давыдов, Е.В. Давыдова. – М: ИС РАН, 2012. – 147 с.
55. Давыдов, А.А. Индекс социального благополучия / А.А. Давыдов // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 118–128.
56. Давыдова, Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи / Е.В. Давыдова. – М.: ИС РАН, 2012. – 38 с.
57. Данакин, Н.С. Конфликты и технология их предупреждения /

- Н.С. Данакин, Л.Я. Дятченко, В.И. Сперанский. – Белгород, 2015. – 315 с.
58. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования – 1994. – № 5. – С.87–93.
59. Девятко, И.Ф. Методы социологического исследования / И.Ф. Девятко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 79.
60. Десятов, А.Д. Экспертная оценка уровня конфликтности организации / А.Д. Десятов, В.И. Новосельцев, В.И. Швей, В.Н. Шумилкин // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т. 5. – № 3. – С. 92–95.
61. Дёшина, С.П. Диверсификация экономики моногорода как фактор снижения социальной напряженности / С.П. Дёшина // Вестник Ижевского государственного технического университета. – 2010. – № 1. – С. 69–72.
62. Джандалиева, Е.Ю. Кооперативность/конфликтность вербального поведения немецкоязычного адресата в коммуникативной ситуации неодобрения / Е.Ю. Джандалиева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 69. – С. 78–83.
63. Димаев, А.Р. Миграция населения как фактор социальной напряженности в обществе (социологические аспекты) / А.Р. Димаев // Социальная политика и социология. – 2008. – № 3. – С. 190–196.
64. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – С. 20–23.
65. Евтушенко, В.И. Экологическая миграция как механизм снижения социальной напряженности / В.И. Евтушенко // Труд и социальные отношения. – 2009. – № 3. – С. 54–58.
66. Желтухин, А.И. Социологическая концепция конфликта / А.И. Желтухин // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 142.
67. Жуков, В.И. Модернизация социальных отношений в России / В.И. Жуков // Социологические исследования. – 2015. – № 6. –

- С. 25–34.
68. Зайцев, А.К. Социально-трудовой конфликт – это норма / А.К. Зайцев // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 21–33.
69. Зайцев, А.К. Социальный конфликт / А.К. Зайцев. – М.: Академия, 2000. – 464 с.
70. Зайцев, А.К. Социальный конфликт на предприятии / А.К. Зайцев. – Калуга, 2013. – 227 с.
71. Зайцев, Д.В. Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в регионе / Д.В. Зайцев, И.Ю. Суркова, Ю.В. Селиванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19.– № 3. – С. 494–502.
72. Заславская, Т.И. Миграция сельского населения / Т.И. Заславская // Избранные произведения. Т. 1: Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 205–277.
73. Заяц, О.В. Уровень конфликтности в организации: межкультурный аспект (опыт социологического исследования в центре социального обслуживания) / О.В. Заяц, А.А. Шмелёва // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 1 (131). – С. 22–26.
74. Зверев С.А. Социальная напряженность и её социально-психологическая характеристика / С.А. Зверев // Научная перспектива. – 2015. – № 12. – С. 93–94.
75. Земскова, Ю.В. Социальная напряженность (социально-психологический аспект анализа) / Ю.В. Земскова // Социология власти. – 2009. – № 8. – С. 89–94.
76. Иванов, В. Межэтническая напряженность в Российской Федерации / В. Иванов, А. Котов, И. Ладодо // Этнополис. – 2013. – № 1. – С. 99–107.
77. Иванов, В.Н. Межнациональная напряженность в региональном аспекте / В.Н. Иванов // Социологические исследования. – 2012. – № 7. – С. 58.

78. Иванов, О.И. Социальная напряженность и социальный конфликт / О.И. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2005. – № 3. – С. 24–30.
79. Иванов, О.И. Социальная напряженность и социальный конфликт: / О.И. Иванов // Вести Санкт-Петербургского университета. – 2015. – № 3. – С. 24–30.
80. Иванов, О.И. Социальная напряженность: основные показатели / О.И. Иванов // Теория и практика экономических реформ. – СПб., 2014.
81. Иванов, С.Ю. Социальная напряженность: факторы скрытой угрозы / С.Ю. Иванов // Труд и социальные отношения. – 2006. – № 1. – С. 73–82.
82. Ильин, В.А. Социальная напряженность в регионе: причины и тенденции / В.А. Ильин, К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2006. – № 3 (34). – С. 12–18.
83. Ильин, В.А. Социальная напряженность в регионе: причины и тенденции / В.А. Ильин, К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2006. – № 3 (34). – С. 12–18.
84. Ильина, И.Ю. Формирование «полярных» моделей потребления как фактор социальной напряженности // Современные гуманитарные исследования. – 2007. – № 1 (14). – С. 229–230.
85. Каира, Ю.В. Региональная специфика социальной напряженности в некоторых областях центрального федерального округа / Ю.В. Каира // Федерализм. – 2008. – № 4 (52). – С. 95–105.
86. Какадий, И.И., Вакуленко, Е.А. Эмоциональное выгорание как фактор конфликтности личности педагога / И.И. Какадий, Е.А. Вакуленко // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2019. – Т. 11. – № 1 (33). – С. 73–77.
87. Каракоз, Э.И. Вместе – Together / Э.И. Каракоз. – Коблец: Фэльбах, 2006. – Р. 76–77.

88. Карпенко, Т.В. Мониторинг уровня социальной напряженности населения в системе формирования целей социально-экономического развития муниципального образования / Т.В. Карпенко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 6 (118). – С. 51–59.
89. Карпук, И.В. Новые тенденции проявлений социальной напряженности в современной России / И.В. Карпук. – Ростов н/Д., 2006.
90. Каспаров, А.Р. Индивидуалистические и социокультурные основания конфликтности / А.Р. Каспаров, В.В. Плотников // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – С. 22–29.
91. Кваша, А. Социально-демографические проблемы роста социальной напряженности / А. Кваша // Вестник статистики. – 2012. – № 1. – С. 37–44.
92. Киблицкая, М.В. Социологический анализ социальной напряженности / М.В. Киблицкая // Социология. – М.: Мысль, 2017. – С. 99–111.
93. Киселев, В.И. Социальная напряженность как социально философская категория / В.И. Киселев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 160. – С. 166–174.
94. Киселев, В.И. Социальная напряженность как социально философская категория (постановка проблемы) / В.И. Киселев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 160. – С. 166–174.
95. Ковтун, Е.А. Восприятие коррупции в российском обществе как индикатор конфликтности / Е.А. Ковтун // Солидарность и конфликты в современном обществе: материалы научной конференции. – СПб, 2018. – С. 240–241.
96. Козер, Л.А. Функции социального конфликта. Социальный конфликт: современные исследования / Л.А. Козер. – М.: Наука, 2011. – 377 с.

97. Козырев, В.И. Социальные процессы и изменения / В.И. Козырев // Социологические исследования. – 2015. – № 3. – С. 113–119.
98. Колмогоров, Е.В. Анализ влияния трансформации социальной структуры общества на уровень социальной напряженности / Е.В. Колмагоров // Социологический альманах. – 2017. – С. 68–69.
99. Комаровский, В.С. Электоральное поведение // В.С. Комаровский Социология власти: Информационно-аналитический бюллетень. – М.: Изд-во РАГС, 1998. – № 4 – 5. – С. 121–165.
100. Комиссарова, Е.В. Влияние региональных факторов на возможность возникновения и предупреждения социальной напряженности в регионе / Е.В. Комиссаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3. – С. 16–23.
101. Костенко, В.В. Конфликтность протестной деятельности молодежных общественных организаций / В.В. Костенко // Солидарность и конфликты в современном обществе: материалы научной конференции. – СПб, 2018. – С. 246–248.
102. Крымский, С.Б. Экспертные оценки в социологических исследованиях / С.Б. Крымский. – Киев: Наукова думка, 2009. – 310 с.
103. Кузнецов, П.С. Методика измерения социальной напряженности / П.С. Кузнецов // Социология. – 2017. – № 9. – С. 146–162.
104. Куконков, П.И. Социальная напряженность и конфликты / П.И. Куконков. – Н. Новгород: Академия, 2016. – 325 с.
105. Куконков, П.И. Социальная напряженность и конфликты в сфере общего образования / П.И. Куконков. – Н. Новгород, 2016. – 25 с.
106. Куманичкин, П.С. Влияние потенциала насилия и внутренней конфликтности на государственную состоятельность стран постсоциалистического пространства / П.С. Куманичкин // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Материалы Двенадцатой региональной научной кон-

- ференции. Под общей редакцией В.Н. Глазьева. – Воронеж, 2018. – С. 389–394.
107. Кутафьева, С.С. Социально-политическая квантификация метрики измерения социальной напряженности / С.С. Кутафьева // Ученые заметки ТОГУ. – 2014. – Т. 5. – № 4. – С. 93–100.
 108. Кущенко, С.В. Социальная напряженность, инновации и проблема соотношения рационального и иррационального в общественном сознании (философский анализ) / С.В. Кущенко, В.И. Панарин // Философия образования. – 2008. – № 1 (22). – С. 353–357.
 109. Лисичкин, В.А. О достоверности прогнозов / В.А. Лисичкин. – М.: Знание, 2017. – 164 с.
 110. Лисичкин, В.А. Теория и практика прогностики (методологические аспекты) / В.А. Лисичкин. – М: Наука, 2012. – 159 с.
 111. Лукашова, М.Г. Корректирующее влияние государственных управленческих структур в условиях социальной, межконфессиональной и этнополитической напряженности / М.Г. Лукашова // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. – 2006. – № 9 (22). – С. 177–181.
 112. Магомедов, М.К. Социальная напряженность и социальный конфликт в системе современной организации / М.К. Магомедов // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019. – Т. 13. – № 5. – С. 64–66.
 113. Мартынова, М.Ю. Риски конфликтности / М.Ю. Мартынова // Государственная национальная политика России: экспертное мнение. – Москва, 2018. – С. 266–272.
 114. Мещерякова, Е.М. Мониторинг социальной напряженности и реализация функций управления социальными системами / Е.М. Мещеряков // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 3. – С. 340–346.
 115. Михалкина, Е.В. Социальная напряженность в депрессивных территориях: подходы к анализу и измерению / Е.В. Михалкина, Т.В. Карпенко // Известия высших учебных заве-

- дений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2006. – № 3 (135). – С. 87–92.
116. Михеев, И.В. // Понятие социальной напряженности в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке / И.В. Михеев // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 5. – С. 206–212.
117. Миянов, Р.А. Снижение социальной напряженности как результат социальной реабилитации / Р.А. Миянов // Снижение социальной напряженности и экономический рост как результаты эффективного управления социально-экономическими системами в регионе. – 2016. – С. 230–232.
118. Монастырев, С.Н. Определение индивидуальной конфликтности у спортсменов различной квалификации и пола / С.Н. Монастырев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2007. – № 12 (34). – С. 77–81.
119. Мухаметова, Р.А. Снижение социальной напряженности в системе социальной поддержки населения/ Р.А. Мухаметова // Экспертное мнение. – 2017. – С. 209–212.
120. Нагайцев, В.В. Показатели социальной напряженности в региональном социуме: монография / В.В. Нагайцев. – Барнаул, 2013.
121. Нагайцев, В.В. Уровень социальной напряженности и конфликтности в системе показателей социального благополучия населения региона / В.В. Нагайцев, Е.В. Пустовалова // Известия АГУ. – 2–2 (66) – 2010. – С. 209–213.
122. Нагайчук, А.Ф. Конфликт интересов в сфере социальной политики / А.Ф. Нагайчук // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 34–43.
123. Назаров, М.М. Политические ценности и протест / М.М. Назаров // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – С. 47–59.
124. Нефедова, Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России / Т.Г. Нефедова // Известия РАН. – Сер. геогр. – 2015. – № 3. – С. 41–56.

125. Николаев, В.И. Оценка коэффициента конфликтности фрагментов информационного потока в автоматизированных системах / В.И. Николаев, Н.Н. Толстых // Цифровая обработка сигналов. – 2008. – № 2. – С. 14–19.
126. Никольская, Л.И. Трансформация в России с точки зрения теории конфликта / Л.И. Никольская // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 79–85.
127. Новаковская, О.А. Регулирование социальной напряженности посредством создания интегрированных формирований в экологозатратных регионах // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 3. – С. 168–171.
128. Осадчая, Г.И. Социальная модернизация в России / Г.И. Осадчая // Социологические исследования. – 2016. – № 3. – С. 34–40.
129. Осеев, А.А. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе / А.А. Осеев // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2014. – № 2. – С. 68–80.
130. Оселков, А.А. Социальная напряженность по религиозному признаку: психологические особенности / А.А. Оселков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 419–423.
131. Осипов, Г.В. Российская социология в XXI веке / Г.В. Осипов. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 28–32.
132. Острогорская, Ж.В. Роль бюджета региона в снижении социальной напряженности в обществе / Ж.В. Острогорская // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2004. – № 4. – С. 87–94.
133. Павлович, М.Н. Образ конфликтной ситуации в зависимости от уровня конфликтности межличностных отношений в группе / М.Н. Павлович // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 2. – С. 307–309.
134. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М., 1997. – С. 16–44.

135. Петрова, Л.Е. Социальное самочувствие молодежи / Л.Е. Петрова // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50–56.
136. Петухов, В.В. Новые поля социальной напряженности: / В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 30–39.
137. Пинкевич, А.Г. Возможности изучения социальной напряженности в России на основе данных социального исследования / А.Г. Пинкевич // Мир России. Социология. Этнология. – 2015. – Т. 24. – № 1. – С. 150–169.
138. Пирогов, И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения / И.В. Пирогов. – М., 2002. – 24 с.
139. Плотников, В.В. Интенсификация социальных процессов в проекции на усиление социальной напряженности локальных систем (государств) / В.В. Плотников // Философия права. – 2015. – № 6 (73). – С. 88–92.
140. Плюснин, Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске / Ю.М. Плюснин. – Новосибирск, 2009. – 132 с.
141. Рукавишников, В.О. Социально-политическая ситуация и общественное мнение / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 47–57.
142. Рукавишников, В.О. Социальная напряженность: анализ и прогноз / В.О. Рукавишников. – М.: Практикум, 1996. – 284 с.
143. Рязанцев, С.В. Географические аспекты диагностики социальной напряженности в обществе / С.В. Рязанцев, Е.А. Баженова, Р.В. Маньшин, И.Н. Тикунова, М.Х. Абидов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2007. – № 4. – С. 23–28.
144. Саенко, Ю.И. Состояние общества. К вопросу о его измерении / Ю.И. Саенко // Социологические исследования. – 2017. – № 10. – С. 27.
145. Салморбекова, Р.Б. Равный доступ к высшему образованию как снижение социальной напряженности в обществе /

-
- Р.Б. Салморбеков, Н.А. Исраилова // В мире научных открытий. – 2010. – № 5–4 (11). – С. 124–128.
146. Сапа, К.Н. Экологическая напряженность в регионах / К.Н. Сапа, Н.В. Пахомова, Т.В. Лихолет // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 94–96.
147. Сергиенко, А.М. Стимулы развития социальной ответственности агробизнеса / А.М. Сергиенко // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2017. – № 9–1. – С. 137–145.
148. Сергиенко, А.М. Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и социальные регуляторы / А.М. Сергиенко, О.А. Иванова // Регион: Экономика и социология. – 2018. – №1. – С. 116–141.
149. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – 368 с.
150. Соловьёв, С.С. Методика измерения социальной напряженности / С.С. Соловьёв // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 68–73.
151. Сомкин, А.А. Диалектика соотносительных категорий: «социальное единство», «социальная дополнительность», «социальная оппозиционность» и «социальная напряженность» / А.А. Сомкин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2009. – Т. 1. – № 3. – С. 189–200.
152. Сорокин, П.С. Оценка уровня конфликтности природопользователей прибрежной зоны владивостокской агломерации / П.С. Сорокин // Геоэкология. Инженерная геология, гидрогеология, геокриология. – 2009. – № 1. – С. 85–89.
153. Степанов, Е.И. Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии / Е.И. Степанов // Социологические исследования. – 1998. – № 10. – С. 50–57.
154. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцков-

- ского. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 423 с.
155. Туринцева, Е.А. Факторы динамики развития семьи военнослужащего: конфликтность и толерантность / Е.А. Туринцева // Успехи современного естествознания. – 2008. – № 10. – С. 65–66.
156. Федосеев, В.В. Количественные индикаторы определения социальной напряженности / В.В. Федосеев // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 5. – С. 47–51.
157. Филина, М.А. Исследование удовлетворенности браком и конфликтности в молодой семье / М.А. Филина // Развитие личности: психолого–педагогические проблемы: сборник научных трудов. – Тамбов, 2019. – С. 209–211.
158. Филиппов, М.Н. Социальная напряженность и социальная безопасность / М.Н. Филиппов / Человек в экстремальной ситуации социально-психологический и медико-профилактический аспекты: сборник научных статей. – Коломна, 2005. – С. 16–20.
159. Хабибуллин, И.Р. Исследование зависимости уровня конфликтности от стиля поведения в конфликте и мотивации избегания неудач / И.Р. Хабибуллин // Образовательная система: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. – Казань, 2019. – С. 219–224.
160. Хаджалова, Х.М. Об измерении социальной напряженности / Х.М. Хаджалова // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 7. – С. 119–127.
161. Хаджалова, Х.М. Социальная напряженность в обществе: региональный аспект / Х.М. Хаджалова // Вопросы структуризации экономики. – 2008. – № 2. – С. 150–154.
162. Христинина, М.Н. Социальная напряженность в контексте социальных изменений в обществе в оценках провинциальной молодежи / М.Н. Христинина // Адлеровские социологические чтения. – 2008. – Т. 1. – С. 229–234.
163. Чайкина, Т.В. Конфликтность ценностей – конфликтность общества / Т.В. Чайкина // Вестник Донского государствен-

-
- ного аграрного университета. – 2012. – № 2 (4).– С. 91–103.
164. Чистяков, М.С. Социальная напряженность как форма политического манипулирования / М.С. Чистяков / Революция и современность. – 2017. – С. 396–400.
165. Чернобай, П.Д. Социальная напряженность: опыт измерения / П.Д. Чернобай // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 91–98.
166. Шатохин, А.А. Особенности изучения профессиональной отраслевой идентификации личности руководителя с учетом гендерного фактора и конфликтности / А.А. Шатохин // International Journal of Medicine and Psychology. – 2019. – Т. 2. – № 1. – С. 17–25.
167. Юрченко, И.В. Методы оценки уровня интеграции и конфликтности в региональном измерении / И.В. Юрченко // VII Столыпинские чтения. Технологии и практики урегулирования конфликтов в обществе: междисциплинарные исследования. – Краснодар, 2018.– С. 263–267.
168. Юрченко, И.В. Трансформационные процессы развития человеческого потенциала юга России в условиях постсоветской конфликтности и геополитических изменений / И.В. Юрченко, М.В. Донцова, Н.Н. Юрченко // Историческая и социально–образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 6–1. – С. 202–210.
169. Яковлев, А.Н. Внешние риски развития социокультурной конфликтности / А.Н. Яковлев // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2018. – Т. 4 (14). – № 4. – С. 405–414.
170. Янин, С.В. Факторы социальной напряженности / С.В. Янин // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 36–42.
171. Cartmel F., Furlong A. Youth unemployment in rural areas. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – 46 pp.
172. Whorton, J.W. Summative scales for measuring community satisfaction / J.W. Whorton, A. Moor // Social Indicators Research. – 1984. – Vol. 15. – № 3. – P. 297–307.

Содержание

Введение	3
Раздел 1. Социальные конфликты и напряженность как особые социальные феномены современного общества.....	5
1.1. Проблема социального конфликта: междисциплинарный подход.....	6
1.2. Понятие социальной напряженности.....	12
Раздел 2. Методология и методика исследования социальных конфликтов и напряженности в обществе	26
2.1. Социология конфликта	26
2.2. Методика исследования конфликтности и напряженности.....	34
Раздел 3. Причины и факторы возникновения социальных конфликтов и напряженности в социуме	64
Список литературы	74

Учебное издание

**Виктор Валентинович Нагайцев,
Ангелина Николаевна Шрайбер**

Социальные конфликты и напряжённость в обществе

Учебное пособие

Подготовка оригинал-макета,
дизайн обложки Ю. В. Луценко

Издательство Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 02.10.2023.
Дата выхода издания в свет 09.10.2023.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 5,4.
Гарнитура PT Serif. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 611

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66